

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт социальных наук

Л. Н. Батянова, Р. В. Иванов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Учебное пособие

УДК 347.471
ББК 66.7
Б28

Печатается по решению ученого совета
Института социальных наук ИГУ

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *В. С. Федчин*

д-р ист. наук, проф. *П. А. Новиков*

Научный редактор:

канд. филос. наук, доц. *О. А. Полюшкевич*

Батьянова Л. Н.

Б28

Социально-политические основы развития гражданского общества : учеб. пособие / Л. Н. Батьянова, Р. В. Иванов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-9624-1461-4

В учебном пособии анализируются формы концептуализации и практической реализации идей гражданского общества в России. Обозначаются основные механизмы усиления процессов институционализации механизмов гражданского общества.

Предназначено для студентов направления «Государственное и муниципальное управление», специалистов в области социальной философии, социологии, политологии, права, а также всех тех, кто интересуется процессами формирования гражданского общества.

УДК 347.471
ББК 66.7

ISBN 978-5-9624-1461-4

© Батьянова Л. Н., Иванов Р. В., 2017
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Социально-философская концептуализация феномена гражданского общества	6
1.1. Понятие гражданского общества и история его развития	6
1.2. Основные концепции гражданского общества в современной западной социальной философии	20
1.3. Развитие идеи гражданского общества в отечественной философской мысли	40
Глава 2. Социальная справедливость как условие формирования гражданского общества	57
2.1. Теории справедливости	57
2.2. Особенности социальной справедливости в общественном развитии	70
Глава 3. Гражданская активность как предпосылка институционализации гражданского общества	80
3.1. Социально-политические элементы гражданского общества	80
3.2. Гражданские движения и инициативы	94
3.3. Группы интересов	109
Заключение	126
Глоссарий	128
Использованная литература	133

ВВЕДЕНИЕ

Сложившаяся в российском обществе ситуация позволяет говорить о новых институциональных формах развития гражданского общества, обусловленных демократическими преобразованиями. Параллельно с этими процессами происходит формирование институциональных барьеров, которые проявляются в отсутствии чувства социальной защищенности и безопасности, низком уровне доверия к органам власти и новым институциональным формам гражданского общества, низкой самоорганизации граждан и гражданской активности как таковой.

Вовлечение общественности в социально-политический процесс является одним из ключевых моментов построения гражданского общества. Но именно эта часть общественно-го развития в нашей стране выражена недостаточно. Безусловно, построение гражданского общества – это длительный процесс, включающий в себя трансформацию экономических, политических, культурных, правовых и иных сфер жизни общества.

В этих условиях общество нуждается в изучении новых институтов и форм развития гражданского общества, которые расширяют возможности правового поля Российской Федерации и общемировые процессы глобализации. На современном этапе активное включение общественности в функционирование различных институтов гражданского общества позволит выйти на новый уровень общественного воспроизводства. Одновременно с этим необходимо проводить анализ развития и функционирования уже созданных институтов гражданского общества на муниципальном и региональном уровне, что позволит оценивать уровень самоорганизации и гражданской активности населения на конкретной территории.

Различные аспекты институционализации гражданского общества изучались как классиками, так и современниками. Гражданское общество создается людьми и функционирует не только в политико-правовой сфере. Его сущность и жизнеспособность в значительной мере определяют

экономика и господствующая форма собственности, а также социокультурные установки и общественные представления, доминирующие в обществе.

В учебном пособии последовательно раскрываются как теоретические, так и практические особенности развития гражданского общества. Учебное пособие состоит из трех глав. В первой приводятся социально-философские основы концептуализации гражданского общества (Л. Н. Батянова). Во второй (Р. В. Иванов) и третьей (Л. Н. Батянова) главах рассматриваются социально-политические условия развития гражданского общества – социальная справедливость и гражданская активность.

После каждой главы приводятся вопросы для самопроверки, темы для рефератов и рекомендуемая литература.

В конце учебного пособия приведены список литературы и глоссарий.

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

1.1. Понятие гражданского общества и история его развития

Прежде всего необходимо дифференцировать понятия «общество» и «гражданское общество». Эти социальные явления обусловлены едиными предпосылками развития, непосредственно взаимосвязанными между собой, и оказывают друг на друга существенное влияние. В историческом развитии общество как человеческая общность в полной мере выступает основой возникновения гражданского общества, постоянным фактором, определяющим его развитие. И тем не менее как общество, так и гражданское общество имеют свое, присущее только им внутреннее содержание.

Общество можно трактовать по-разному, как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле это – «обособившаяся от природы часть материального мира, представляющая собой исторически развивающуюся форму жизнедеятельности людей» [1]. В узком смысле общество можно определить как этап человеческой истории или отдельный социальный организм. Но вышеуказанные определения лишены все-таки необходимой ясности. Для более полного понимания общество можно определить как сущностное проявление его исходных предпосылок. Имеются в виду люди как индивиды с их потребностями, составляющие общность; все проявления деятельности людей, в рамках которой они развивают свои способности, т. е. их воздействие на внешнюю и внутреннюю природу; общение, связанное с влиянием друг на друга.

Во всех случаях в единстве перечисленные выше предпосылки всякого человеческого существования на всех этапах развития определяют сущностное содержание общества как человеческой общности. При этом перечень предпосылок, составляющих и определяющих развитие общества, совокупность общественных связей, присущих обществу, исторически видоизменяются, но все они остаются постоянными. Эта стабильность имеет место и при любом подходе к пониманию общества, как при цивилизационном, так и при формационном.

Сказанное об обществе не есть абстрактное суждение. Все составляющие его присущи первобытному обществу. В *эпоху первобытной родовой общины* люди выступают как социальные индивиды, их благо зависит от общины. Первобытная община выступает как родовая община, только в ней индивиды могут противостоять природе, отношения между ними регулируются обычаями. В данном случае интересной представляется мысль о том, что первобытная община выступает как носитель всей совокупности общественных функций. Тогда община представляет собой первичную форму гражданского общества. «Гражданское общество имеет своей предпосылкой, основой простую и сложную семью, так называемый племенной быт» [2]. Родовая, общинная деятельность обеспечивает индивидам сохраняющее их совместное проживание, воспроизводство населения, успех в труде – охоте, рыболовстве, земледелии, скотоводстве и т. д., защиту от внешних врагов.

В родовой общине имеется реальная «власть» в лице собрания взрослых членов общины, совета общины или старейшин. Основными регуляторами поведения являются общественное мнение, моральные правила, отражающие мнение «всех», авторитет лидеров [3].

В первобытном (предклассовом) обществе нет классовой дифференциации населения, в нем нет надобщинной власти, выступающей в форме государства со всеми присущими ему признаками, в нем нет и индивидов как подданных власти (граждан). С одной стороны, остается насущной потребность сохранения предпосылок всякого человеческого существования, составляющих общину. С другой сторо-

ны, возникают новые факторы ее развития. Имеет место переход к землевладению, ремеслам и оседлости, связанное с ними появление, хотя и ограниченного (в удовлетворении необходимых потребностей всех членов общины), прибавочного продукта и частной собственности на него. Идет классовое расслоение общины, усложняются формы общественной организации. И, как следствие всего, появляется надобщинное правление, содержащее признаки государства.

Государство, граждане в историческом развитии выступают как исходные факторы возникновения и развития гражданского общества. С учетом уже изложенного выше, в самом общем плане можно отметить, что «гражданское общество» есть одна из составляющих форм человеческого бытия на уровне государственного развития.

С надобщинной властью, отчужденной от родовых общин, связаны:

- разделение подданных по надродовой территории, расширяющей территорию старых родовых общин, отражающей потребности внутренних миграционных процессов;

- закрепление за подданными надобщинных прав и обязанностей, отражающих в себе не только естественные права и обязанности члена общины как человека и как – новое в общении с властью – гражданина.

Для объективного познания общества необходимо различать *два типа общества: коллективистский и индивидуалистский*. Коллективистское или индивидуалистское общества определяют все сколько-нибудь существенные характеристики социальной жизни, начиная с государства, прав личности и ее автономии...

За основу принципа выделения типов общества берется *способ производства общественной жизни и способ производства собственной жизни*. В зависимости от характера единства указанных способов производства Н. М. Чуринов выделяет два способа общественной жизни: коллективистский способ производства общественной жизни и индивидуалистический способ производства общественной жизни. Эти способы производства раскрывают специфику жизни общества, определяемую климатическими, географическими, геополитическими и иными условиями.

В отличие от общества как человеческой общности, *гражданское общество* в самом общем плане предстает в ином качестве. Оно выступает как срез одной из сфер общности или как одна из составляющих форм человеческого бытия на уровне его государственного развития, такого человеческого бытия, которое отражает отношение людей друг к другу. Гражданское общество опирается на основные предпосылки всякого человеческого существования, но сами предпосылки не составляют его собственно «гражданского» содержания. Гражданское общество появляется на исторической арене вместе с государством и выступает в этой взаимосвязи определяющей стороной.

Возникновение государства обусловило разделение общества на государственную и негосударственную сферы человеческой жизнедеятельности. С этих пор вопрос о взаимоотношении власти и общества был в центре всеобщего внимания, часто являлся причиной многих социальных конфликтов. И сейчас эта проблема находится в основе глобальных общественных изменений, которые проходят во многих странах мира и будут определять перспективы развития всего мирового сообщества.

История термина «гражданское общество». В качестве предмета научного исследования проблема гражданского общества имеет многовековую социально-философскую и политическую традицию. Генезис и развитие этой идеи отмечены интенсивной выработкой концепций, предлагающих многообразные трактовки. Трудность определения понятия «гражданского общества» заключается в том, что в действительности не существует постоянного и неизменчивого гражданского общества, а существуют многие и изменчивые гражданские общества, причем по одним признакам они сходны, а по другим существенно отличаются друг от друга. Тем не менее для того чтобы понять многообразный мир гражданского общества, нам необходимо выработать его инструментальное понятие.

Термин «гражданское общество» в той или иной форме можно найти уже в литературе европейского Средневековья и нового времени. Как осознанное научное понятие «гражданское общество» входит в употребление в своем совре-

менном значении: под гражданским обществом понимается *сфера реализации особенных, частных интересов и целей отдельной личности*. Между тем ограничиваться таким широким понятием вряд ли правомерно. По нашему мнению, лишь объективный анализ основных представлений о сущности гражданского общества позволит нам дать его определение.

Понятие гражданского общества уже несколько веков играет важную роль в европейских и англо-американских странах, чего нельзя сказать о России, в жизни которой оно как в теоретическом, так и в практическом смыслах занимало традиционно незначительную, можно сказать маргинальную нишу.

«Гражданское общество», как концепция и как термин вновь появившееся в Европе в середине XVII в., привело в движение уже, казалось бы, забытые идеи античности, и в частности унаследованные и переработанные учения Платона и Аристотеля. Впервые термин «гражданское общество» встречается в латинском переводе «Политики» Аристотеля, сделанном Брюни в 1434 г., затем в комментариях Меланхтона, сделанных к произведению Аристотеля в 1438 г., а вслед за этим в 1547 г. «Политику» переводит на итальянский Бричиоли, также используя в своем переводе термин «гражданское общество» [4].

Вслед за простыми переводами последовала эпоха переработки и переосмысления самой античной концепции гражданского общества. Возврат интереса к этому древнему феномену был вызван историческими изменениями революционного характера, что не могло не отразиться на восприятии и изменениях в трактовке концепции гражданского общества в новых историко-политических условиях.

Классические концепции гражданского общества. Различные подходы к изучению сущности гражданского общества, как правило, определяются системами теоретизирования и мировоззрением исследователя. В современной философии определение теоретических основ изучения гражданского общества предполагает: классификацию классических теоретических традиций его понимания; выделение и сопоставление основополагающих концепций,

под влиянием которых сложились отдельные парадигмы исследования; систематизацию современных интерпретаций и подходов.

Классическая традиция исходила из теории естественного права и общественного договора. В рамках этой традиции гражданское общество определялось как *социально-политическая система, основанная на совокупности принципов, включающих верховенство закона, разделение властей, признание прав и суверенитета личности.*

Анализ концепций в историко-философской литературе свидетельствует о том, что естественное стремление людей к общежитию, справедливому устройству их общественной жизни и распределению жизненных благ выражалось в форме поиска адекватных природе человека социальных форм. В качестве идеала или образца общественной организации многие мыслители рассматривали именно гражданское общество (Платон, Аристотель, софисты, римские юристы, Ф. Бэкон, Г. Гроций, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, французские и немецкие просветители XVII–XVIII вв., И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс и др.).

Ключевым моментом концепций явилось осознание свободы и собственности как неотъемлемых прав человека и понимание новой роли государства, которое стало элементом общества, субъектом права. *Идеи естественных прав как модели статусного и морального равенства людей*, а также общественного договора как способа контролировать достижения согласия, легли в основу современного понимания гражданского общества. В частности для Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) не существовало разделения на гражданское общество и государство. Они представлялись ему единым целым, где первое невозможно без существования второго и наоборот. Не являясь демократом по убеждению, Аристотель утверждает одним из основных принципов гражданского общества – обязательное участие всех граждан в управлении.

Классическая *нововременная модель* доминировала на протяжении XVII–XVIII вв. и явилась фундаментом, на котором развивалась модернистская модель гражданского общества как сферы общественной автономии. Идея соци-

ального устройства, целью которого является обеспечение прав личности, определила возникновение идеи самоопределения общества. На основе классической модели политические и экономические предпосылки реализации прав личности и независимого социального действия стали рассматриваться как системообразующие характеристики гражданского общества [5].

Наибольшее развитие концепция гражданского общества получает в рамках *либеральной традиции* социальной мысли. Гражданское общество рассматривалось Локком как совершенная форма существования свободы. Идея свободы в различных вариантах проходит через все теоретические построения, включая концепции современных авторов. Так, латиноамериканский исследователь Ф. Уэффорд пишет: «Мы желаем гражданского общества, мы должны защититься от государства-контролера. Это означает, что если гражданское общество не существует, его следует выдумать. Если оно мало, его нужно расширить... Словом, нам нужно гражданское общество, так как мы хотим свободы» [Цит. по: 6]. Гражданское общество немислимо без свободы. Вообще в философии проблематика свободы всегда занимала важное место. Но особую актуальность она начала приобретать в эпоху формирования буржуазных общественных отношений. Гольбах, например, утверждал, что «свобода – это возможность делать ради своего счастья все, что не вредит счастью других членов общества» [Цит. по: 7].

Прежде всего, следует подчеркнуть, что свобода есть социальное понятие. У животных нет никакой свободы. Они – часть природы и не испытывают никакой нужды в свободе. По словам Маркса, «животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает свою жизнедеятельность предметом своего сознания... Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» [Цит. по: 8]. Человек осознает свободу в процессе совместной деятельности людей. Поэтому основа всякой свободы – свобода жизнедеятельности человека. С одной стороны, человек находит свою свободу только в

обществе, а с другой – общество «мешает» делать ему то, что он хочет, т. е. человек в обществе как бы несвободен или ограниченно свободен. Жить в обществе и быть свободным от общества, как известно, нельзя. Но такова диалектика жизни, и в данном случае мы встречаемся с одним из противоречий социума, которое решается путем компромисса: общество предоставляет индивиду определенную свободу, но и индивид в свою очередь сознательно ограничивает свои требования к обществу относительно свободы.

Нельзя свободу путать с произволом. Свобода предполагает действия человека в рамках юридических, моральных норм и законов. Человек должен понимать, что в обществе есть определенные законы, нормы, принципы, традиции, которые нужно соблюдать и в пределах которых можно и нужно действовать. Гегель утверждал: «Нравственный человек сознает содержание своей действительности чем-то необходимым, имеющим силу в себе и для себя, и этим так мало наносится ущерб его свободе, что последнее даже, наоборот, лишь благодаря этому сознанию становится действительной и содержательной свободой...» [Цит. по: 9]. Иначе общество как целостное и самодостаточное погибнет. Если каждый будет поступать по своему усмотрению, то это приведет к хаосу и, в конечном счете, к гибели социума. Абсолютизация личной свободы нередко оборачивается трагедией для окружающих. Так, например, на Западе абсолютизация свободы приводит к росту насилия (убивают просто прохожих на улице, в учебных заведениях – своих коллег, причем убивают как взрослые, так и дети). Таким образом, свобода предполагает деятельность социальных групп, слоев, классов, индивидов при обязательном соблюдении общепринятых моральных и юридических норм и принципов.

Что касается произвола, то он не ограничивает себя никакими законами морального и юридического характера. Произвольный человек в отличие от свободного человека уважает только самого себя, поэтому он постоянно покушается на свободу других людей. Произвольный человек – это эгоистический человек, потому что он стремится лишь к удовлетворению личных интересов. Заметим, что анархизм как общественно-политическое течение, провозглашающее

своей целью освобождение личности от всех разновидностей власти, предпочитает произвол свободе. Но не только анархисты не любят свободу. Даже некоторые сторонники демократии под свободой понимают не соблюдение законов, а произвол, особенно когда это касается их личной деятельности. Следовательно, «свобода возможна как упорядоченная свобода... Неупорядоченная свобода выступает лишь как иное определение произвола» [10].

Свобода есть процесс, а не застывшее состояние. Иными словами, по мере продвижения общества по восходящей линии человек становится все более и более свободным в экономическом, политическом, духовном и других аспектах. Процесс этот носит очень противоречивый и порой даже драматический характер, но тем не менее эмпирически можно это увидеть – как на протяжении истории расширяются свободы человека.

В условиях свободы общество имеет возможность контролировать государство, объединяясь в организации, создавая противовес возможному произволу власти в любой области социальной жизни.

Для того чтобы осуществить дальнейшую операционализацию понятия гражданского общества, необходимо рассмотреть соответствующие традиции его применения и подходов к его статусу и значению.

Источниками традиций, определяющих современное понимание гражданского общества, стали концепции Г. Гегеля, К. Маркса, А. Де Токвиля и А. Грамши, сравнительный анализ которых позволяет выявить различия между доминирующими традициями, а также их логическую взаимосвязь. Концепции гражданского общества вышеуказанных авторов до настоящего времени являются наиболее полными теоретическими разработками данной проблемы. Идеи этих мыслителей составляют важную методологическую основу исследований гражданского общества, дают представление об основных парадигмах исследования данного феномена.

Основополагающие концепции органически соединяют идею Гегеля о *независимой общественной сфере*, способной опосредовать отношения между индивидом и государством, и либеральные представления о необходимости за-

щиты общества от вмешательства со стороны государства. Традиция понимания гражданского общества как особой негосударственной сферы – общепринятая трактовка в XIX в., преобладающая до начала XX в.

Гегель и Маркс связывали становление гражданского общества с *развитием капиталистических отношений*: «Гражданское общество создано лишь в современном мире» [11]. Идеи мыслителей XVIII в. о саморегулируемой экономике и свободном предпринимательстве легли в основу концепции Гегеля, в которой гражданское общество предстает как «система потребностей», основанная на частной собственности, имущественных и сословных отношениях, регулируемых гражданским правом. Понимая под гражданским обществом сферу реализации интересов отдельных индивидов, групп и классов, Гегель признает зависимость гражданского общества от государства, которое является выражением всеобщих интересов, гарантом действительной свободы гражданского общества, поскольку представляет общество в его единстве.

Гражданское общество является относительно самостоятельным, поскольку не самодостаточно. Эгоизм и разнонаправленные интересы вызывают негативные последствия, и в круговороте самоорганизации утрачивается общественная сущность нравственной жизни. Гражданское общество в концепции Гегеля – единство «субъективной морали» и «абстрактного права», которое формирует целостность общественной жизни. «В этом смысле гражданское общество – среда, в которой человек законным (общепринятым) путем удовлетворяет свои потребности, развивает индивидуальность, приходит к осознанию ценности групповых акций и общественной солидарности; он усваивает то, что его личное благополучие зависит от других, и благодаря этому становится гражданином, готовым играть роль на политической арене государства» [12].

Развитие институтов «посредников» (корпораций), располагающихся между семьей и государственной властью, – основной признак гражданского общества в концепции Гегеля. Философ описывает гражданское общество как дифференцированную систему коллективных структур,

которая обретает свою завершённую форму после установления государства. Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьёй и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства. В концепции Гегеля просматривается синтез англо-американской традиции «дополнительного общества» и французской традиции опосредующих институтов.

К. Маркс развивает идею гражданского общества Гегеля как *сферы экономических отношений*, где всесторонне переплетается зависимость всех от всех. Но если Гегель считал основой развития абсолютную идею, а гражданское общество – инобытием этой идеи, то Маркс доказывал, что именно материальная жизнедеятельность общества есть первооснова исторического процесса. Семья и гражданское общество сами себя превращают в государство. Именно они являются движущей силой. А по Гегелю, напротив, – действительной идеей.

Маркс, раскрывая удвоение действительности в капиталистической формации, отмечал, что существуют «гражданское общество» и имеющее его своей предпосылкой, и вырастающее из него государство.

В работах Маркса гражданское общество представляет собой социальную организацию, которая развивается непосредственно из производства и обращения, и рассматривается как совокупность экономических отношений, соответствующих производительным силам. «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов – словом, определенное гражданское общество» [13]. Новый общественный характер экономических отношений, возникающий при переходе от феодального строя к буржуазному, создает основу для гражданских отношений.

Термин *bürgerlich Gesellschaft* не предполагает различий между буржуазным и гражданским обществом. Но если в интерпретации Маркса гражданское общество синонимично «буржуазному обществу», то в концепции Гегеля оно выступает как сфера социальных институтов, включающих,

помимо экономических организаций, классы и корпорации, связанные с профессиональной, религиозной и другими сферами общественной жизнедеятельности. «Универсальным классом» у Гегеля выступает бюрократия, которая соединяет партикуляризм гражданского общества с «универсальностью» государства. Средством медиации отношений является также целый спектр общественных институтов, таких как суды, агентства социального обеспечения, образовательные учреждения и т. д., напрямую связанные с гражданскими целями. Все эти неэкономические структуры находятся не на периферии гражданского общества (как у Маркса), а являются его центральными институтами в соответствии со своими гражданскими функциями [14].

Концепция Маркса закладывает тенденцию дихотомии социального феномена: «общество – государство». Понятие экономического базиса расширяется до общества в целом, вытесняя независимую социальную сферу как таковую. Социальные институты гражданского общества рассматриваются как формы, в которых протекает экономическая жизнь капиталистического общества. Маркс рассматривал гражданское общество не только в связи с «определенной ступенью развития производства, обмена и потребления», а прямо в качестве «царства экономических отношений» [15]. Таким образом, проблема отношений государства и общества элиминируется, поскольку и то и другое выражают интересы правящего класса и определяются капиталистическими отношениями.

Проблема установления взаимосвязей между индивидами, рынком и государством решается в концепции А. Де Токвиля, в которой структура добровольных групп и организаций позволяет индивиду осознать значение общественной солидарности и гражданского участия.

Токвиль в своей работе «Демократия и Америка» (1835–1840 гг.) разграничил *три сферы социума*:

1. Государство как система формального политического представительства (парламент, суд, бюрократия, полиция и армия).

2. Политическое общество с такими формами ассоциаций, как местное самоуправление, партии и политические объединения, общественное объединение.

3. Гражданское общество как сфера частного интереса, экономической активности и гражданских ассоциаций (церковь, школы, независимые газеты и издательства профессиональные, коммерческие и другие ассоциации, выражающие различные интересы). Токвиль также связывает гражданское общество с капиталистической экономикой, но в отличие от Маркса не идентифицирует их, а, напротив, вводит непосредственно гражданское измерение – сферу добровольных ассоциаций, независимых от государственного контроля.

Анализируя политический режим демократии, Токвиль фактически постигает все области социального целого и выявляет множественные связи между переменными величинами. Начиная с 1835 г. Токвиль развивал теорию государства всеобщего благоденствия – видение общества, в котором каждый владеет собственностью и все заинтересованы в сохранении общественного порядка. Власть осуществляется в соответствии с законами: народ, насколько это возможно, управляет самим собой. Те, кто осуществляет власть, – представители, делегаты управляемых. Демократия в концепции Токвиля – первичный факт, определяющий специфику современного общества.

Антонио Грамши также рассматривает гражданское общество как *совокупность независимых от политической власти организаций*, но это уже не просто система производственных отношений, а достаточно структурированный общественный организм. В «Тюремных тетрадах» (1929–1935) он писал: «По крайней мере, в более развитых государствах гражданское общество превратилось в очень сложную структуру, выдерживающую катастрофические вторжения» непосредственно экономического элемента (кризисов, депрессий и т. д.); надстройки гражданского общества в этом случае играют роль как бы системы траншей в современной войне» [16].

А. Грамши разграничивает гражданское общество не только с политическими структурами (государство и поли-

тическое общество), но и с экономическими. Он часто употребляет понятия государство и политическое общество как синонимы, но не отождествляет их полностью, указывая, что государство играет роль противовеса между политическим и гражданским обществом.

Итальянский философ рассматривает несколько типов взаимоотношений государства и гражданского общества:

1. Вариант подчинения государства гражданскому обществу.

2. Установление баланса между государством и гражданским обществом, равномерного распространения гегемонии посредством идеологий, которые пронизывают всю общественную жизнь.

3. Гражданское общество становится ареной развития гегемонии, которая затем распространяется на государство и экономический базис.

Под влиянием Грамши неомарксисты подчеркивают неэкономическое измерение гражданского общества, концентрируют внимание на гражданских и культурных организациях, непосредственно не связанных с производительной системой. Грамши выступает против экономической интерпретации гражданского общества, ассоциируемой с концепцией Маркса.

В отличие от Токвиля, Грамши исключает экономику из сферы гражданского общества. Различие между концепциями также заключается в основных целевых функциях гражданского общества: Токвиль акцентирует внимание на функции гегемонии и оказания влияния на различные группы населения, на функции развития культуры. Концепция гражданского общества Грамши является наиболее распространенной среди современных западных ученых.

Итак, гражданское общество:

– появляется на исторической арене во взаимосвязи с государством и выступает определяющей стороной;

– является одним из необходимых элементов нового уклада жизни, через который осуществляется социальная детерминация других ее составляющих;

– разграничивает правовым образом сферы человеческой жизни.

Более полную картину сущности гражданского общества раскрывает стремление людей к справедливому устройству их общественной жизни и распределению жизненных благ выражалось в форме поиска адекватных природе человека социальных форм. В качестве идеала или образца общественной организации многие мыслители рассматривали гражданское общество. В самом общем плане ключевым моментом концепций явилось осознание свободы и собственности как неотъемлемых прав человека и понимание новой роли государства, которое стало элементом общества, субъектом правоотношений. Абстрактность термина «гражданское общество» связана со значительным вкладом многих мыслителей в его развитие, что обусловило множество определений, которые фиксируют различные уровни понятия, делают акцент на тех или иных элементах общества.

1.2. Основные концепции гражданского общества в современной западной социальной философии

Новейшие концепции рассматривают гражданское общество как социальный феномен, институциональную структуру которого составляют группы, ассоциации и движения «неполитического» характера.

Среди современных западных исследователей проблем формирования гражданского общества необходимо выделить, прежде всего: А. Ага, Г. Алмонда, А. Арато, С. Вербу, Э. Геллнера, А. Грамши, Р. Дарендорфа, Дж. Кейна, Дж. Козна, К. Кумара, А. Сейлса, А. Турена, Ж. Фрона, Ю. Хабермаса, И. Шапиро и некоторых других. Для анализа проблематики гражданского общества указанные мыслители используют дихотомии – «гражданское общество – государство», «система – жизненный мир», «частная сфера – общественная сфера» и т. д.

При этом гражданское общество понимается ими либо как *исторически конкретная форма общества* (тождественная по содержанию «буржуазному», капиталистиче-

скому обществу), либо как *сфера автономного* (независимого по отношению к государству и другим системам) *существования субъектов*, либо как *посредник между личностью и государством*.

Но предлагаемые определения, как мы полагаем, относятся скорее к характеристике всего социума и не касаются раскрытия сущности и содержательной специфики гражданского общества. Попытки представителей теорий модернизма и постмодернизма рассматривать гражданское общество как продукт индустриального развития, перехода от доиндустриальной к индустриальной и далее постиндустриальной (информационной) стадии общественного развития не являются достаточно убедительными. Подход же к анализу гражданского общества на основе дихотомии «гражданское общество – государство» чрезмерно сужает проблемное поле и предметную область исследования данного феномена. С другой стороны, зачастую в него включают все те явления, которые выходят за пределы деятельности государства и не подлежат его непосредственному регулированию [17].

В западных социальных теориях имеет место не только чрезмерное расширение объема понятия «гражданское общество», но и интерпретация его как *исторической стадии общества, выражающей новейшие достижения современной цивилизации* (научно-технический прогресс, свободный рынок, демократия и пр.), что приводит зачастую к упрощенному представлению, а также к его отождествлению с понятием «современное общество». Вот почему все чаще в научной литературе звучат призывы к отказу от самого понятия «гражданское общество» как якобы неадекватно отражающего социальные реалии сегодняшнего дня. На смену ему предлагают другие понятия и термины, например «демократическое общество», «информационное общество» (Белл), «расширенный социальный порядок» (Хайек), «постсовременная социальность» (Бауман) и др.

В дискуссии о соотношении гражданского общества и государства И. Шапиро выделяет следующие подходы:

1. *Социал-демократическое направление* (Ф. Энгельс, К. Пейтман, Р. Даль и др.), в котором государству отводится

ведущая роль в обеспечении деятельности гражданских институтов.

2. *Либерально-демократическое направление* (А. Де Токвиль, Дж. С. Миль, И. Берлин), в котором акцент делается на свободе общественных институтов при инструментальном отношении к демократическому государству.

3. *«Срединный подход»* (М. Уолзер), отстаивающий необходимость функций государства в укреплении границ между различными сферами гражданского общества, не переходящих в регулирование этих сфер.

Современное развитие концепций гражданского общества происходит на идейной основе, органически сочетающей как идеи либерализма, так и идеи социал-демократии.

Абстрактность термина «гражданское общество», вклад многих мыслителей в его развитие обусловили множественность определений, которые фиксируют различные уровни понятия, делают акцент на тех или иных элементах общества. Упрощенное понимание гражданского общества находим у известного политолога Ф. Шмиттера, который считает, что это – «совокупность или система самоорганизующихся медиаторных (посреднических) групп» [18]. А дальше перечислены признаки этих групп, или, по словам автора, условия (критерии): двоякого рода автономия, коллективность деятельности, «не узурпация чужих прерогатив» и гражданственность. Но Ф. Шмиттер под медиаторными группами исключительно определяет только легальные организации, что, с нашей точки зрения, неоправданно. Это понятно, если иметь в виду, например, переходный период от одной государственности к другой (Россия, страны СНГ и Восточная Европа). С одной стороны, небывалый рост преступности... С другой стороны, несовершенство законодательства создает условия формальной нелегальности формирования и деятельности ряда гражданских демократических институтов. По причине несовершенства законодательства и (или) правоприменения границы между легальным и нелегальным нередко весьма условны, что особенно наглядно демонстрируется процессом отечественной приватизации. Поэтому организованная преступность и

другие подобные отклонения являются также характеристикой гражданского общества.

С учетом изложенного выше, можно определить гражданское общество как *основную сферу человеческого бытия, совокупность или систему самоорганизующихся групп, в которые входят как законные, так и незаконные организации.*

Трехчастная модель «трипартита» Грамши, представленная в терминах критической социальной теории Ю. Хабермаса (дифференциация жизненного мира, экономической и политической подсистемы), в настоящее время рассматривается как современный социологический подход к исследованию проблематики гражданского общества. Очень интересна и модель общества Хабермаса, состоящая из двух уровней: «жизненного мира» и «системы» (формальной организации). Приватные отношения на уровне системы образуют экономическую подсистему, на уровне жизненного мира – сферу общественности. Общественность – подсистема жизненного мира, которая возникает параллельно с экономикой, государством и частной сферой. Развитие рынка общественных дискуссий, появление новых средств коммуникации приводят к образованию общественной сферы, в которой нормы отношений легитимируются не обычаями, а соглашениями и традициями. Общественность формируется в социально-интегративной сфере деятельности.

Хабермас рассматривает общественную сферу как измерение жизненного мира, которое институционализируется посредством солидарности. Структурным ядром общественности является совокупность институтов, которые заполняют пространство между приватной сферой и государством – коммуникационные сети (пресса, СМИ и общественные ассоциации). Сфера общественности складывается как потенциальный и действительный контроль над политикой, как средство общественной критики с позиции свободных и равноправных граждан. Зона соприкосновения с государственным управлением становится «критической», что и порождает феномен критики. Общественность становится форумом, где частные лица, объединенные в

общность, заставляя власть легитимировать себя перед общественным мнением [19].

Развитие политической гласности и объединений находит свое отражение в дифференциации общественного мнения. Хабермас интерпретирует «публику» в качестве формы коллективно действующих индивидов, которая делится на отдельные социально-политические слои. По мере бюрократической экспансии общественная сфера сужается и деформируется. Подобно тому, как приватная сфера подчиняется хозяйству, сфера общественности начинает зависеть от административной системы.

Начиная с 90-х гг. отмечается возрастание спроса на концепции и модели реализации «гражданского или бюргерского общества» – в дискуссиях эти понятия используются в основном как синонимы. Наблюдается поразительный ренессанс идеи о всеобщем благе. Речь идет о реалистическом, т. е. отвечающем потребностям граждан пути достижения всеобщего блага в демократически организованном плюралистическом обществе. В течение многих лет на Западе понятие всеобщего блага девальвировалось под влиянием критической идеологии, поскольку понятие свободы воспринималось односторонне и индивидуалистично, что также отразилось на понимании государства и общества. На Востоке же, напротив, в контексте учения о всеобщем благе на основе коллективного единства индивидуальная свобода воспринималась как «несознательность». Как показывает современная история, оба этих представления были доведены до абсурда. Исторической вехой и для Запада, и для Востока стал 1989 г. На Западе мы во многих областях отмечаем, что и деятельность государства, с одной стороны, и преследующее свои эгоистические интересы общество, с другой, дошли до определенных пределов. Сегодня мы говорим о кризисе демократии, о «политической усталости», о постепенном коллапсе социальных систем, о безработице и пределах экономического роста, о необходимости обновления социальной рыночной экономики, с одной стороны, и общественной морали – с другой. В этом же контексте следует рассматривать и поиски философии «третьего пути». В этой связи необходимость обращения к

тому, что принято называть «гражданским обществом», сегодня более чем оправданна.

Однако что же понимается под этим термином сегодня? Очень точно это понятие охарактеризовано в вызвавшем всеобщий интерес обращении федерального президента Йоханнеса Рау и трех его предшественников на этом посту – Романа Герцога, Рихарда фон Вайцзекера и Вальтера Шееля в связи с 50-летним юбилеем в 1999 г. выборов первого федерального канцлера ФРГ. Основываясь на своем понимании, они обратились к идее *ответственного* гражданского общества, противодействующего принимающим все больший размах тенденциям перекаладывания всех обязанностей на плечи государства и отвергающего позицию, когда от государства, систем социальной защиты и соответствующих институтов ожидается решение всех проблем. Речь идет об обществе, ищущем пути поддержания общности и при этом опирающемся на разнообразие свобод и форм ответственности, инициатив и активного участия в общественной жизни, на добровольность и обязательства.

Это обращение к гражданскому обществу, готовому брать на себя ответственность, следует рассматривать как реакцию на ошибочный путь развития, предполагающий только пассивное восприятие общественных событий. При оценке этого ошибочного развития, а также проектов, альтернативных «гражданскому обществу», возникает ряд дополнительных ментальных, структурных и философско-мировоззренческих факторов и оснований.

В поисках причин указанного ошибочного пути развития – в том, что касается ФРГ – социальные психологи возвращаются к истокам этого уникального в историческом плане факта создания общества благосостояния. В результате расставания с прежним опытом экономической и социальной нужды возникла обманчивая убежденность в том, что благосостояние есть нечто само собой разумеющееся, что можно просто потребовать, как это предполагает потребительский менталитет. С моделью «гражданского общества» связывается надежда с успехом противостоять этой новой «материалистической проблеме» как в ментальном, так и в социоструктурном плане.

Социологи, политологи, праведы, экономисты и прочие ориентированные на эмпирику представители общественных наук обращаются в первую очередь к структурно обусловленным проблемам дефицитарной общественной культуры. Они обращаются к общественности, предлагая большое число конкретных, часто интересных и оригинальных идей по проведению реформ и предполагая, что новые или обновленные структуры в экономике, государстве и обществе способны преодолеть имеющиеся недостатки.

Большое значение при этом имеют, конечно, такие вопросы, как представление о человеческой личности (образ человека), система ценностей и их распространение, а также вопросы философско-мировоззренческого характера. «Гражданское общество» ищет «активного» гражданина. При этом необходима не просто какая-либо «активность» граждан. Речь, главным образом, идет о такой активации гражданина, которая могла бы внести вклад в формирование нравственности отдельного человека в духе обновления социальной морали. Это особенно отчетливо проявляется в ведущихся дебатах о «гражданском обществе», в которых, например, речь идет о возрождении «гражданских добродетелей». В социально-философском плане речь идет о том, каким должно быть нормативное устройство общества, в том числе о классическом вопросе принципиального отношения государства и общества (этот вопрос уходит своими корнями далеко в историю развития идей политической философии, вплоть до обоснований Платона и Аристотеля, поскольку это означает следование двум принципиально различным путям развития общественной философии – идеалистическому и одновременно скептическому по отношению к демократии, с одной стороны, или реалистическому и поддерживающему демократию, с другой) [20].

При анализе новой и новейшей истории обычно указывается на значение двух различных демократических традиций: с одной стороны, континентально-европейской, с другой – англосаксонской. Для первой характерным является нейтралистский и этатистский подход в традициях Французской революции, для второй же – понимание государства, строящегося на свободе личности и общества. Та-

кое разделение без сомнения в какой-то степени правомерно и обоснованно, хотя и не убедительно на все сто процентов, что выражается, например, в том, что при этом и в континентальной Европе не исключается наличие элементов так называемой англосаксонской традиции, причем с еще очень давних пор. Имеется в виду то, что сегодня назвали бы традицией «субсидиарного» многоуровневого устройства общества и государства. Столь же важной является ссылка на традиционные линии политического мышления, связанные с историей развития философских концепций и выражающие, с одной стороны, этактистское, а с другой, свободное общественное мышление: Гоббс и частично Руссо представляют истоки первого направления, а Локк, Монтескье, Токвиль и Кант, соответственно, второго. Частично совпадает с ними и направление, связанное с договорной теорией, пережившее в современный период очевидный ренессанс, благодаря таким своим представителям, как Ролз, Бьюкенен и Нозик. Можно сказать, что в некотором смысле сегодня ему на смену пришло разнообразие теорий «гражданского общества» (частично противоположных договорной теории, что, однако не исключает восприятия некоторых ее элементов).

Основная идея теории канадского социального философа *Чарльза Тэйлора* заключается в независимости гражданского общества от государственной власти, по отношению к которой оно обладает самостоятельностью действий. Антропологической исходной позицией является «социальная концепция человека», согласно которой общество является неотъемлемым условием для реализации человеческой свободы и даже вообще всякой человеческой деятельности, направленной на добро. Помимо функционального назначения общества Тэйлор дает явно выраженное социально-этическое определение общества, в котором принадлежность к обществу и участие в его жизни он объявляет долгом человека. Соответственно столь же существенными, как требование о правах человека по отношению к обществу, являются и необходимые, с точки зрения свободомыслящего и социального общества, обязанности личности по отношению к нему. В этом Тэйлор очевидно

расходится с общественными договорными теориями, в которых отправной точкой является приоритет личности, что приводит к инструментализации общества.

Согласно концепции гражданского общества Тэйлора личность может реализовать свою свободу и свои этические задачи только через общество. Под гражданским обществом он понимает выходящее за рамки семейного круга и малых объединений явление (сущность), вырастающее в независимое от государственной власти политическое общество, которое только и позволяет реализовать свободу в полном смысле слова и обязывает каждого, признающего ценность этой свободы, принимать участие в его жизни. Решающим является участие в смысле волеизъявления в политических институтах при решении вопросов, затрагивающих всех. Условия реализации свободы и этического совершенствования, по Тэйлору, в конечном итоге возможны только в совокупности цивилизации, т. е. плюралистически и демократически структурированной культуры, находящей свое выражение в комплексном и в то же время интегрированном современном обществе. Целостность гражданского общества структурно оформляется как сеть или совокупность самостоятельных, независимых от государства объединений, оказывающих влияние на политику. Согласно мнению Тэйлора, это типичная для Запада форма общественной структуры и деятельности, которая в этом виде была запрещена на Востоке в коммунистический период и которая сегодня, в посткоммунистический период, служит образцом.

«Политическое» общество и «политические» институты, о которых шла речь до сих пор, следует понимать не в узком смысле политики как политики власти, а в более широком значении затрагивающего всех и, с этой точки зрения, политического, независимого от государства диалога и волеизъявления в гражданском обществе. Таким образом, в проекте гражданского общества Тэйлора речь идет о том, что общество как единое целое действует вне государственной сферы. Где для этого есть соответствующие условия? Тэйлор называет две основных сферы: рыночная экономика в том, что касается экономической сферы, с одной сторо-

ны, и общественность в том, что касается формирования общественного мнения, с другой. Последней в рамках концепции Тэйлора отводится центральная роль, особенно ярко характеризующая современное развитие. Под общественностью он понимает некое совместное пространство, в котором граждане собираются для совместного обсуждения вопросов, представляющих всеобщий интерес, и таким образом получают возможность сформировать общее мнение.

Есть некоторая аналогия с дискурсивной этикой Хабермаса в том, что Тэйлор видит в общественности одновременно и нормативную концепцию, для которой характерны возникающие в ходе критического дискурса процессы формирования общественного консенсуса, результаты которых имеют для государственных инстанций нормативное значение. Общественность как основополагающий элемент гражданского общества должна давать обществу возможность «формирования общей модели, находящейся вне политики» и таким образом способствовать обеспечению свободы в обществе в современных условиях и ограничению государственной власти. В своей концепции «общественности» Тэйлор назвал центральный элемент современного «гражданского общества» – элемент, подготовленный родственными идеями «гласности» и «политической прозрачности» и доказавший свое значение в качестве освобождающей силы, например, в ходе исторических событий 1989 г. [21] Концепция Тэйлора в некотором смысле является возвратом к диалектической идее Гегеля, обновленной и развитой Хабермасом, идее политической силы «критической рефлексии», которая способна реформировать общество на основе свободного дискурса.

Понимание Тэйлором автономии общества также напоминает концепцию Хабермаса (или системную философию Гегеля). По Тэйлору, гражданское общество устанавливается исключительно путем совместной деятельности граждан, это общество составляющих. Речь идет о секулярной и имманентной концепции, абстрагирующейся от всех смыслообразующих элементов – не в последнюю очередь от метафизики любого сорта, – выходящих за рамки деятельности гражданского общества.

Обобщая, можно сказать, что концепцию «гражданского общества» следует понимать как противовес широко распространенным индивидуалистическим теориям общества, в основном построенным на модели экономической деятельности. В этих теориях есть много верного и заслуживающего внимания в том, что касается свободы человека и условий ее реализации, однако социальный характер человека зачастую упускается из виду или вообще отрицается. Тэйлору же важна новая социальная ориентация общества. Он делает ставку на теорию социально связанной свободы, которая в значительной степени способна компенсировать многие недостатки индивидуализма. Однако в качестве заключительного критического замечания следует отметить, что такой подход, ориентированный на общественный приоритет, в свою очередь, приводит к некоторым выводам, которые вызывают сомнения так же, как и индивидуалистические теории, хотя и в несколько ином плане. По крайней мере тогда, когда речь идет о лично-ориентированном учении о свободе и обществе: создается впечатление, что права человека оправдываются исключительно обществом, т. е. возникает опасность, что права человека могут потерять свой не только догосударственный, но и дообщественный, иными словами, объективно заданный характер. Здесь секулярная, абстрагированная от всякой метафизики теория Тэйлора упирается в свои пределы. Такие теоретики, как Этциони, который также говорит о необходимости возрождения добродетелей и этического обновления гражданского общества, или Майкл Уолцер, который в отличие от тэйлоровской концепции выдвигает на передний план весь спектр общественного плюрализма для мобилизации свободомыслящего гражданского общества, были в этом отношении более дальнзоркими. Ведь речь идет об истоках свободы и этики, которые не могут быть созданы ни государством, ни обществом, поскольку передаются при помощи соответствующих институтов – традиций, религии, семьи и многих других факторов, вследствие чего предполагается, что гражданское общество следит за тем, чтобы эти дообщественные истоки (корни), из которых черпают указанные институты, также получили свою степень свободы.

Подход американского политолога *Майкла Уолцера* к основной идее «гражданского общества» в некотором отношении напоминает аристотелевский. Для него исходной позицией, так же как и у Аристотеля, является норма хорошей общественной жизни. Эта норма реалистична, т. е. сформирована в соответствии с реалистическим представлением о человеке. В своей концепции Уолцер также исходит из социальной стороны человеческой природы – на основе множества свободных объединений и групп и идущего параллельно с этим общественного диалога. В представлении Уолцера человек – это общественный индивидуум, играющий различные роли в государстве и обществе. Однако в отличие от Тэйлора здесь человеческая личность, для которой свобода является определяющей, есть условие формирования гражданского общества; а не наоборот, т. е. гражданское общество не считается условием возможности свободы. В то же время гражданское общество необходимо для реализации свободы. По Уолцеру, оно является пространством действия для пространств действия.

Уолцер считает, что существует не одно-единственное представление о хорошей жизни, а множественность таких представлений. В структурном плане плюрализм также играет основополагающую роль для общности. Общество разделено на такие сферы, как политика, экономика, религия и семья. Уолцер видит в этой дифференциации историческое достижение либерализма. Однако, с другой стороны, Уолцер упрекает либерализм в том, что он недооценивает опасности для гражданского общества, исходящие от экономической власти. Поэтому экономическая власть должна быть ограничена субсидиарным государством. Его задача заключается в том, чтобы обеспечить социальные рамочные условия для рынка.

Роль гражданина государства не ограничивается тем, чтобы с определенной периодичностью ходить на выборы, а все остальное время предъявлять требования государству и обществу. Гражданин – больше, чем просто наблюдатель происходящего. Он должен заниматься общественными делами, правда, и здесь реализм Уолцера вновь подразумевает не столько дискурсы в рамках всего общества, сколько

плюралистический ансамбль общественно ответственных действий: в «связанных между собой объединениях гражданского общества, в профсоюзах, партиях, движениях, группах по интересам и т. д. те же люди принимают много маленьких решений и до некоторой степени формируют более высокие решения, принимаемые на уровне государства и экономики». Социальная демократия, которую представляет Уолцер, есть дело многих, а не некоторого небольшого числа людей – в некотором роде современное повторение спора Аристотеля с политической этикой Платона [22].

В концепции Уолцера есть еще один реалистический элемент: в ней пропорционально учтены и государство, и гражданское общество. Важно избежать нарушения пропорций в пользу любого из этих двух социальных образований. Опыт тоталитаризма в коммунистических странах Востока учит, сколь неэффективно в долговременной перспективе государственное образование, считающее, что можно отказаться от гражданского общества. Такое государство обречено на крах. Однако, с другой стороны, неверен и принципиальный скепсис по отношению к государству. В качестве правового демократического государства оно обладает узаконенным правом на обоснованное вмешательство в общественную сферу, поскольку само понимается как одна из сфер и одновременно фундамент взаимосвязанного социального мира. Такое понимание государства предполагает его служебную функцию для гражданского общества, что во многом напоминает социальную философию солидаризма в том виде, как он сформулирован современной теорией естественного права.

Каковы шансы этой плюралистической общественной концепции? Не следует забывать, что в западных обществах наблюдаются определенные критические тенденции, которые со всей очевидностью противостоят этой концепции: в первую очередь следует упомянуть констатируемую социологами, но очевидную и в повседневной практике потерю убедительности и приемлемости институтов сегодняшнего западного общества: политические партии, церковь (довольно большое число людей считает себя «верующими, но невоцерковленными»), профсоюзы, множество объедине-

ний и ассоциаций могут поведать о стремительно растущем индивидуализме в обществе, которое превыше всего ставит индивидуальный успех и индивидуальную «эмансипацию» или «самореализацию» и не проявляет особенного интереса к вопросу о «хорошей жизни общества». Эти тенденции – и это тоже является частью реалистической концепции – нельзя игнорировать. Столь же важно постоянно и неустанно исследовать – и Уолцер это делает – экзистенциальный смысл этого вопроса и поддерживать те все же наблюдающиеся в последнее время в западном обществе контртенденции, которые вновь настойчиво утверждают чувство общности и единства, важность семьи, общественной деятельности и прочих форм участия в общественной жизни и снова видят в них возможность индивидуального обретения смысла (жизни). Надо сказать, что некоторые моменты говорят в пользу того, что модель гражданского общества, оценивающегося согласно формулировке Уолцера по тому, насколько оно «способно выдвинуть из своих рядов граждан, которые хотя бы иногда преследуют интересы, выходящие за рамки своих собственных и интересов товарищей, и следят за происходящим в политической общественной жизни, поддерживающей и способствующей развитию сетевых объединений» [23], вполне может стать моделью будущего общества.

В реалистической концепции Уолцера оставлен открытым социально-философский вопрос о том, как следует определять всеобщее благо в плюралистическом обществе в смысле реально действующей нормы, т. е. таким образом, чтобы это определение не совпадало с весьма ходовой формулой всеобщего блага как «суммы индивидуальных интересов» – формулой, равносильной деградации и, конечно, ни в коей мере не конгруэнтной уолцеровской концепции. Имеется в виду вопрос об «интересе и всеобщем благе», который выдвигается в центр дискуссии главным образом представителями философии естественного права.

Вопрос о необходимых для демократического общества обязательствах и обязательных представлениях о морали эксплицитно поставил американский социолог *Амитаи Этциони*. Его представления тесно связаны с гражданским

движением обновления 90-х гг. прошлого века, известным в Северной Америке как «коммунитаризм». Как считают представители этого движения, обновление необходимо ввиду перехлестывающего через край эгоизма. Требуется новое общественное единство и возврат к моральным ценностям. Нам вновь необходимо общество, в котором определенные модели поведения недопустимы, т. е. относятся к вещам, которые ни один порядочный человек не делает и о которых даже не помышляет. И нам снова необходимо такое положение вещей, «такая ситуация, в которой многие положительные правила поведения – т. е. заповеди – действуют и принимаются без каких-либо возражений». Принимающая все более гротескные формы обособленность индивидуума, в сочетании с поведением, релятивирующим всякие ценности, становится угрозой для общества и даже для общественной безопасности. Отправной точкой подобного развития, по мнению Этциони, стала фундаментальная критика авторитетов и традиционных ценностей в 70-х гг., которая привела к нравственной неразберихе в умах широких слоев населения и в конечном итоге к ценностному вакууму. Доминирующим стало мышление в категориях стоимости и получаемой выгоды даже в тех областях, где это неприемлемо. В очевидных примерах недостатка нет. Этциони называет институт супружества, который трансформировался в некоторую форму арендного договора, который может быть в любой момент разорван. Он говорит о семье, общность которой практически исчезла на фоне господствующей установки на то, что реализация в профессии важнее ответственности обоих родителей в семье. Этциони указывает и на иные сферы, в которых появляется все больше проблем: школа, в которой в последнее время отмечается рост насилия; сфера труда, где все более серьезную проблему представляют наркотики и алкоголь; политика, в которой все решают интересы крупнейших и влиятельнейших групп, а не забота о всеобщем благе.

В подобной ситуации обновление возможно только в том случае, если удастся привлечь общество к обширному диалогу по этому кругу вопросов. Его двигателем должно стать – так же, как в экологическом движении – граждан-

ское движение в духе коммунитаризма, способное путем нравственного осмысления, возрождения гражданских добродетелей и нового чувства ответственности добиться образумления общества в пользу общественного мышления и деятельности. Реализацию реформаторских идей Этциони предполагает начать с института семьи как ячейки общества. Семья в первую очередь должна обеспечивать моральное воспитание детей. Разрыв между семьей и профессией отрицательно сказывается на этом воспитании. Им должны заниматься только сами родители, а не няни или детсады – этот вопрос стал сегодня в Германии предметом общественной дискуссии после публикации шокирующих результатов международного сравнительного исследования. В интересах семьи Этциони требует от работодателей возможно более гибкой организации рабочего времени для родителей – в сочетании с исконными социально-политическими требованиями «приоритета семьи».

Тема «семья» имплицитно включает тему «супружество». Этциони не избегает этой темы, которой сегодня и на практике, и в теории часто не уделяется достаточного или вообще никакого внимания. Вопреки преобладающему сегодня мнению, в котором господствует принцип «толерантности» или мнимой толерантности, он предлагает вновь значительно усложнить процедуру развода.

Говоря о «реформе школы», Этциони предлагает начать с изменения доминирующей сегодня тенденции, односторонне ориентированной на передачу знаний в ущерб передаче ценностей. Речь идет о таких само собой разумеющихся ценностях, как *правдивость, ответственность, отказ от насилия, готовность к сотрудничеству*. Кроме того, Этциони вновь выводит на передний план такие ценности, как самодисциплина и прилежание, которые некоторые снисходительно считают «второстепенными добродетелями».

Наряду с семьей фундаментальную роль в коммунитарной реформе в концепции Этциони играет уровень местного самоуправления. Здесь, на вполне знакомом базовом уровне общественной жизни, есть шанс к возврату образа мышления и поведения, ориентированного на достижение всеобщего блага, и активного вовлечения в жизнь

общины. Здесь Этциони также может привести массу примеров. Его основная мысль заключается в том, что задачей государства является поддержка деятельности на добровольной основе, и в этом отношении уровень местного самоуправления имеет огромное значение. В принципе, здесь в коммунитарной концепции Этциони вновь проявляется социально-философская идея известного «принципа субсидиарности». То есть: преимущество малых сообществ перед большими, но при этом устанавливается – если есть такая необходимость – обязанность больших сообществ оказывать поддержку малым. В Европе этот принцип стал также известным и актуальным в последние годы, в частности в ходе конституционных дебатов в Европейском союзе [24].

Еще одна тема, имеющая большое значение для всего общества, занимает важное место в концепции Этциони. Это вопрос, волнующий сегодня все современные общества, – как относиться к возрастающему плюрализму общества. Понятно, что именно для коммунитаризма, в котором основополагающее значение имеют общественные ценности, этот вопрос является принципиальным. Этциони рассматривает этот вопрос на примере проблемы, занимающей американское общество. Речь идет о развитии в направлении мультикультурного общества, принимающего все более ярко выраженные формы. Этциони относится к этому с изрядной долей скепсиса. Он выдвигает лозунг «плюрализм в единстве» и приводит множество примеров, в том числе из сферы языковой политики и политики школьного образования, стремясь отдать должное и плюрализму, и единству. Задавая культурный ориентир для американского общества в коммунитарном плане, он определяет Америку как «общность общностей». Смысл этого лозунга, который в некотором отношении напоминает дискуссию в Германии о «ведущей культуре», заключается в следующем: уважение ценностей различных культур, но при этом ориентация на основные общие ценности, сплачивающие нацию, в первую очередь демократию, основные права и взаимное уважение.

Важное место в немецкой и вообще англосаксонской дискуссии о «бюргерском или гражданском обществе» занимают труды и взгляды социолога *Ральфа Дарендорфа*. В

принципе, они представляют собой систематизацию основных принципов и элементов, играющих важную роль во всем объеме дискуссии о гражданском обществе, в частности в англосаксонских странах, причем в рамках собственной системы Дарендорфа, являющейся современным вариантом либерализма. Для Дарендорфа гражданское общество, демократическое конституционное государство и рыночная экономика являются тремя основами, на которых зиждется свобода граждан. Гражданское общество предоставляет гражданину *citizenship*, т. е. статус гражданина, с которым связаны гражданские права – причем в отличие от прежнего либерального подхода независимо от относительной ценности вклада отдельной личности в экономический процесс.

Дарендорф вначале ставит вопрос об институтах, необходимых для реализации гражданских прав. Здесь он выделяет два типа: политические институты, с одной стороны, и общественные институты, с другой. К первым относятся, например, независимое судопроизводство, гарантирующее гражданские права, политические партии и свободная пресса, необходимая для выражения политических альтернатив рынку как посредники между экономически активным населением и всем разнообразием нации. Под последним Дарендорф понимает своего рода социально-психологический, и экономические предприятия, выступающие на процесс, тенденцию перехода прав гражданства в образ мышления и поведения граждан, в результате чего эти права становятся институтами и нормами, которые выполняются без внешнего принуждения, поскольку стали неотъемлемой частью социального образа жизни человека.

По Дарендорфу, «гражданское общество» имеет следующие признаки:

1) *плюрализм*, т. е. многообразие институтов и организаций, что позволяет гражданам индивидуально реализовывать разнообразные интересы в самых разных сферах;

2) *автономность*, т. е. независимость разнообразных институтов и организаций от государства;

3) *гражданственность*, которая означает, что предпосылкой гражданского общества является гражданское сознание, т. е. гражданские добродетели, предполагающие ответственность личности за общее дело;

4) значение общественности (именно этого боялись самые разнообразные диктатуры, рассматривая общественность как очаг сопротивления, что можно было неоднократно наблюдать в прошедшем веке).

Примечательна ссылка Дарендорфа на значение специфических культурных предпосылок гражданского общества. В этой связи он говорит о «лигатурах», т. е. привязанностях граждан к ценностям, которые не в состоянии создать ни общество само по себе, ни тем более государство. Для ориентирования в предлагаемом многообразии необходима принадлежность граждан к «лигатурам», т. е. принадлежность к семье и общине, традиционным группам и церкви. В них передаются и сообщаются выходящие за рамки государства и общества ценности, связывающие человека нравственно.

Размышления Дарендорфа позволяют нам перейти к теме, которая в немецкоязычном пространстве особенно отчетливо сформулирована в работах философа права и специалиста по конституционному праву Эрнста-Вольфганга Бекенферде: государство и общество существуют благодаря ценностям, которые они сами создать не в состоянии. Они передаются и интерпретируются в рамках культурной традиции. Эти ценности названы в конституции. Однако любая ссылка на конституцию как конечный ценностный фундамент государственного объединения неминуемо приводит к пониманию, что конституция не является окончательной ценностью, поскольку она также подлежит интерпретации судьями и в конечном итоге интерпретации в политике и обществе. Это означает, что плюралистическое общество ни в коем случае не может найти консенсус только на ценностно-нейтральном формальном уровне. Его ценностно-этическая основа, представленная такими институтами, как семья, традиции, церковь, передающими ценности из поколения в поколение, имеет решающее значение для ценностно-этического стандарта государственного объединения. Перед «гражданским обществом» как активным объединением, оказывающим влияние на политику, ведущим диалог и связанным системой ценностей, в рамках плюралистической демократии стоит фундаментальная стабили-

зирующая задача – идет ли речь о согласии, корректирующей функции или обновлении.

Демократический порядок нуждается не только в политической, но и в ценностно-этической стабильности, чтобы не потонуть в релятивизме ценностей. Такая постановка ведет, как верно заметил Дарендорф, к культурным предпосылкам государства и общества. Что приводит нас в сферу собственно культурной этики, которую можно назвать основной дисциплиной всех теорий о гражданском обществе [25].

Одной из черт демократии является нравственная вовлеченность и участие отдельных личностей в делах государства. Только на этой основе вообще может существовать общественный консенсус, который есть нечто большее, чем просто формальный порядок интересов, чем ориентация на самый малый общий знаменатель, который – как мы знаем – все больше переходит в разряд известных сомнительных компромиссов. Наше свободное общество существует благодаря тому, что плюрализм понимается и реализуется как нечто, выходящее за пределы борьбы интересов, как собственно плюрализм ценностей.

Итак, основываясь на анализе различных теоретических традиций, можно отметить, что эволюция представлений о гражданском обществе может рассматриваться не только как смена парадигм, но и как взаимодополнение. Новейшие концепции рассматривают гражданское общество как социальный феномен, институциональную структуру которого составляют группы, ассоциации и движения «неполитического» характера. Данную модель можно назвать «субъектной», поскольку в ней анализируются общественные движения, различные формы гражданской активности в качестве социальных субъектов гражданского общества. Субъектный подход позволяет понять природу общественных движений как генератора социальных преобразований.

Наряду с традиционными темами, связанными с гражданским обществом, рассмотрение данного феномена в современной социальной философии вобрало в себя амальгаму следующих проблем, связанных с его переосмыслением в условиях современного социума:

- «возрождение добродетелей» и этическое обновление гражданского общества;
- институциональная преемственность структур гражданского общества;
- действительное и ответственное участие гражданина в общественной жизни своей страны;
- взаимоотношения гражданского общества и государственной власти;
- взаимоотношения экономической власти и субсидиарного государства;
- всеобщее благо в плюралистическом обществе;
- индивидуализация общества и релятивизация ценностей;
- соотношение малых и больших сообществ;
- возрастающий плюрализм общества и др.

1.3. Развитие идеи гражданского общества в отечественной философской мысли

Незначительное внимание к концепции гражданского общества в отечественной социально-философской мысли, так же, как и не столь давнее возобновление теоретических изысканий в этой области, связано как с культурно-цивилизационной спецификой российского общества, так и с радикальными политическими и социально-экономическими изменениями, переживаемыми нашей страной на протяжении двух последних десятилетий.

Современное развитие области исследования гражданского общества прошло несколько стадий: от критических реминисценций марксистской традиции, идей обновленного социализма до репрезентации основных подходов, связанных с эволюцией идеи гражданского общества [24].

Восстанавливаются прерванные традиции русской социально-философской и политической мысли, которая опиралась на теоретический опыт западноевропейских социальных мыслителей (Ж. Ж. Руссо, Г. Гегель, И. Кант и др.) и выработала общие методологические предпосылки исследования гражданского общества. В социально-философских учениях русских мыслителей XVIII в. идеи

гражданского общества рассматривались применительно к социально-политическим условиям России.

Серьезное внимание проблемам гражданского общества уделяли представители раннего Просвещения: И. Т. Посошков, Ф. Прокопович; русские просветители второй половины XVIII в.: Я. Козельский, С. Десницкий, В. Золотницкий, А. Н. Радищев; В XIX в. – просветители и декабристы П. И. Пестель, С. И. Муравьев; представители философии и юриспруденции: А. Градовский, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, Н. Коркунов, П. Струве и др., которые внесли особый вклад в развитие идеи гражданского общества в русской социально-философской мысли.

Русские теоретики гражданского общества доказывали необходимость гармонизации норм права с другими социальными нормами, а также гармонизации взаимодействия социальных институтов, обеспечивающих исполнение этих социальных норм, гарантирующих их исполнение. Пройдя ряд этапов в своем развитии, к концу XVII – началу XVIII в. в работах И. Т. Посошкова и Ф. Прокоповича, а затем – в работах А. Н. Радищева получила осмысление идея гражданского общества коллективистского типа.

По мнению Н. М. Чуринова, результаты многовековой дискуссии о типах общества, завершившейся различением коллективистского и индивидуалистического типов, показывают, что каждому типу общества соответствует свой тип гражданского общества. И необходимо согласиться с Радищевым, который полагал, что нет оснований считать, что западные идеи о гражданском обществе продуктивны применительно к условиям жизнедеятельности любого общества.

Своеобразные представления о гражданском обществе, фактически являющиеся развитием гегелевских идей, изложены в работах *Б. Н. Чичерина*. В отличие от Гегеля, русский мыслитель считал, что гражданское общество должно доминировать, а государство иметь подчиненное положение, в этом случае возможна истинная демократия, истинно человеческая жизнь людей. Самым страшным злом для российской государственности, и особенно для гражданского общества, Б. Н. Чичерин считал крепостное право, «которое фактически уничтожило нравственное достоинство

человека и гражданина, тем самым лишив людей стимулов для всякой творческой деятельности, в том числе для деятельного стремления к законности и справедливости» [Цит. по: 27]. А. Н. Радищев также осуждал крепостное право, самодержавие как «наипротивнейшее человеческому естеству состояние». В «Письме другу, жительствующему в Тобольске» Радищев утверждал, что цари никогда не поступятся своей властью ради «вольности».

Русский философ и правовед *К. Д. Кавелин* признавал только постепенный прогресс в истории, движущими силами которого, по его мнению, выступают два фактора: «складывающееся на основании различных интересов групп людей “положение вещей” и “общественные нравы” обладающих свободной волей людей» [Цит. по: 28]. Будучи дворянским либералом, Кавелин, как и многие другие русские философы, выступал за отмену крепостного права и освобождение крестьян с землей за выкуп.

Теоретические основы учения о правовом государстве и гражданском обществе, идеи конституционализма разрабатывались в русле либерального движения мысли XIX в. В начале XX в. представители «нового либерализма» С. Булгаков, С. Франк, Н. Кареев, М. Ковалевский, Б. Кистяковский, П. Новгородцев, Л. Петражицкий утверждали прогресс «внешних форм общежития» (правовое государство) в единстве с духовным совершенствованием личности, отстаивали важность этических начал философии, обосновывали принципы эволюционного развития общества.

С. Франк в первой части своей работы «Планомерность и спонтанность в общественной жизни» рассматривает процесс формирования государства как процедуру перехода из спонтанного состояния племенного сообщества к государственной организации жизни, где его понятие «планомерности» является по сути дела процессом институционализации права в виде государственного закона. Другими словами, признается главенствующая роль государства в организации, защищенной от произвола общественной жизни. Именно в этой роли государства, по мнению Франка, отражена планомерность общественного развития. Но, описывая роль государства в организации планомерности

общественного развития, Франк отмечает наличие специфической связи между гражданским обществом и государством, эта связь должна быть выражена в отношении власти и подчинения.

Такой «всеохватывающий» подход не редкость. В конце XIX – начале XX в. был сделан акцент на деятельной стороне гражданского общества, которое рассматривалось как общественный союз, образованный в результате энергичных действий и предприимчивости отдельных личностей, осознавших свои общие интересы, исключающих возможность порабощения одних людей другими, вырабатывающих и устанавливающих с этой целью гражданско-правовой порядок.

В русской общественной мысли термин «общественность» применяется для обозначения абстрактного качества социальности и социальной солидарности. Общественность рассматривалась как необходимая стадия развития цивилизации, обеспечивающая «инкорпорацию и экскорпорацию» ее устоев (нравов и прав). Впоследствии этот термин начал использоваться для идентификации коллективного субъекта (социально активные группы людей, публика, которая ассоциируется с критическими мнениями), при этом акцент делался на позитивных качествах гражданственности, прогрессивности, интеллектуализма.

Деятельность русских мыслителей представляла собой неповторимый синтез: они выступали как философы, специалисты в области исторической и правовой науки, и как политики. Каждая из сторон деятельности обогащала другую. Для русских мыслителей прошлого, как и настоящего, основные проблемы гражданского общества заключались во взаимодействии общества и государства. Взаимодействие можно рассматривать как: зависимость, независимость, взаимосвязь. Б. Чичерину, в частности, принадлежит подробно разработанная программа преобразований в России на пути к буржуазному демократическому обществу как первому этапу гражданского общества [См.: 29].

Все чаще высказывается мнение, что в правовом государстве не нужно гражданское общество, нет необходимости. В таком случае гражданское общество возникает в том

государстве, в котором право не получило универсального характера, т. е. в неправовом государстве. Под универсальным характером права подразумевается такое состояние общества, когда все граждане, независимо от их социального статуса, подчиняются юридическим нормам и законам и несут равную ответственность за несоблюдение этих норм и законов. Русские правоведы наметили «путь, по которому суждено пройти каждому, кто верит не в право силы, а в силу права» [30].

Анализируя процессы становления гражданского общества, отечественные исследователи К. Гаджиев, З. Голенкова, В. Данченко, А. Кочетков, Я. Кузьминов, А. Мигранян, А. Одинцова, С. Перегудов, Л. Романенко, В. Смольков, Е. Стариков, Г. Тавадов и др., как правило, обращают внимание на те или иные системообразующие факторы:

1. Для одних из них гражданское общество есть *совокупность негосударственных общественных объединений и организаций, выражающих индивидуальные и коллективные интересы людей и создающих условия для их реализации.*

2. Для других – это *единство социальной и духовной сфер жизни общества, обеспечивающих социокультурное воспроизводство человека и его коллективов.*

3. Для третьих – *исторически определенный тип общественной системы, возникающий в рамках современной промышленной цивилизации и характеризующий высшую стадию общественного развития или общество с развитыми экономическими, политическими и культурными отношениями.*

В то же время некоторые исследователи преимущественное внимание уделяют отдельным аспектам проблемы – социально-экономическим факторам становления гражданского общества (Я. Кузьминов, О. Сухомлинова), культурным основаниям и гражданскому этосу (Б. Библер, В. Бакиштановский, Ю. Согомонов и др.), взаимоотношению с правовым государством (К. Гаджиев, А. Мигранян, А. Панарин и др.) и т. д. Далее мы еще остановимся более подробно на анализе разработок А. Миграняна.

При всем разнообразии подходов к исследованию гражданского общества в отечественной философии можно обнаружить и нечто общее, объединяющее многие позиции: преобладание в научных определениях и концепциях элементов должностования (нормативности). С этой точки зрения гражданское общество рассматривается прежде всего не как реальная форма общественной организации или специфический феномен социального бытия людей, а как *«идеальный тип»* или *идеально-нормативная модель общества, которую необходимо построить и реализовать в ближайшем или отдаленном будущем.*

Такая модель характеризуется, как правило, следующими признаками:

- автономностью и независимостью определенных общественных структур и институтов;

- наличием частной собственности и рыночных механизмов, регулирующих экономические отношения;

- существованием среднего класса как основы социальной структуры и предпосылки демократического устройства государства;

- самоуправляемостью и самоорганизованностью социальных групп, добровольным характером членства в них;

- разнообразием потребностей и способов их удовлетворения;

- демократичностью и плюрализмом создаваемых общественных объединений и др.

Чрезмерная идеологизация и политизация феномена гражданского общества затрудняет, по мнению Ю. М. Резника, процесс создания комплексной (интегральной) теории гражданского общества, соединяющей в себе познавательные возможности социальной философии, теоретической социологии и социокультурной антропологии.

Столь же тенденциозными нам представляются отдельные попытки обсуждения проблем становления гражданского общества в нашей стране, связанные со спекуляциями на тему о политическом выборе России, «российском пути» и пр.

За последнее десятилетие был ряд крупных научно-практических конференций по проблемам развития граждан-

данского общества. Этому посвящен также специальный выпуск журнала Pro et Contra. Особого внимания заслуживает проведенный не так давно в Москве гражданский форум по проблемам развития взаимодействия государства и гражданского общества, с участием высших представителей государственной власти, включая Президента В. В. Путина. Хотя данный форум носил больше политический характер и менее научный.

В дискуссиях, происходящих на данную тему, отчетливо просматриваются три основные позиции:

1. Россия должна войти (или вернуться) в лоно мировой цивилизации, формируя внутри себя институты гражданского общества и демократического государства. Поэтому на первый план выходят проблемы расширения гражданских прав и свобод, формирование гражданского этоса и нравственности российских людей.

2. Россия в силу своей культурной уникальности и национальной специфичности «обречена» на собственный путь общественного развития, для которого полностью или частично неприемлемы атрибуты западной цивилизации – рынок, демократия, гражданское общество. Речь может идти о становлении особого типа корпоративности, служащей альтернативой гражданственности.

3. В России уже существует гражданское общество, и его лишь надо освободить от государственно-бюрократического гнета и направить в русло нормального (а не аномального) развития. Для этого следует создать все необходимые правовые и культурные перегородки, предотвращающие господство государственного аппарата и бюрократический произвол.

Несмотря на явное и очевидное различие приведенных выше позиций, участников дискуссии объединяет общее стремление видеть социальное прошлое и будущее России в контексте идеологически выдержанного противопоставления социализма и капитализма, тоталитаризма и либерализма, авторитаризма и демократии, наконец, государства и гражданского общества.

Рынок и демократия рассматриваются представителями первой и третьей позиций в качестве объективно необходимых условий и предпосылок формирования граждан-

ского общества. Последнее относится исключительно к социальным завоеваниям и достижениям западной и даже всей мировой цивилизации. При этом некоторыми исследователями утрачивается преимущество в развитии самой идеи гражданского общества. «Естественное состояние», из которого вырастает, по мнению многих мыслителей прошлого, гражданское общество, в некоторых современных интерпретациях полностью подчиняется требованиям и достигнутым стандартам современной цивилизации (институтам государства, рыночным механизмам и пр.).

При таком понимании гражданское общество как бы и становится «цивилизованным», «демократически организованным» обществом, в котором господствуют закон и воля большинства, а не интересы человека как представителя рода. В действительности же, как показывает опыт исторического прогресса развитых стран (прежде всего опыт так называемых стран рыночной демократии), естественные, жизненные процессы не могут быть вытеснены полностью из общественной жизни. Иначе нельзя объяснить такие явления, как периодически возникающие социальные конфликты, имеющие религиозное или этническое происхождение, международный терроризм и организованную преступность, демографические взрывы, рост числа самоубийств, другие патологические отклонения и т. д.

Жизненный мир людей, связанных узами естественной необходимости и взаимных интересов, постоянно напоминает о себе, выступая в виде очагов социальной напряженности и социальных потрясений, организованных в форме разнообразных движений и ассоциаций. Игнорирование государством, другими властными структурами естественных потребностей гражданского общества приводит к необратимым социальным последствиям и даже катастрофам. Поэтому, рассматривая степень разработанности данной проблемы, нельзя не отметить, наряду с факторами ее чрезмерной политизации и идеологизации, встречающуюся в научной литературе недооценку «естественных» жизненных процессов людей, проявляющихся в ходе формирования гражданского общества. Также важно будет рассмотреть тот этап, при котором в практике воспроизводства ин-

ституционального порядка повседневной жизни общепринятые представления о том, что такое «свобода», «власть», «равенство», становятся очевидными для всех участников социально-политического процесса развития общества. Речь идет об установлении равенства во всех его проявлениях: социальном, политическом и экономическом; обеспечении реализации индивидуальной и коллективной свободы и распределении власти в равной степени между всеми членами общества.

Среди современных авторов, изучающих вопросы гражданского общества, можно назвать А. В. Одинцову. Она опускает концепцию Аристотеля, но делает ссылки на две более современные концепции того же феномена – Гегеля и Маркса. В своей работе автор формулирует вывод, исходя из избранных ею концепций, представляющийся, по меньшей мере, удивительным. Гражданское общество нельзя рассматривать как нечто присущее определенной общественной формации или группе. В той или иной форме оно существовало всегда.

Другая работа того же периода, в которой мы встречаем анализ гражданского общества с точки зрения его концептуальных принципов, это книга А. М. Миграняна «Демократия и мораль», вышедшая также в 1989 г. Мигранян строит свой анализ на примере античных полисов Аристотеля, говоря, что «в античных полисах как в политической теории, так и на практике не было понятия государства, как некой силы, отчужденной от гражданского общества и находящейся над обществом и индивидом. Таким образом, в Античности государство, гражданское общество и индивид выступают в нерасчлененном виде» [31]. Если, по мнению Миграняна, в Античности государство, гражданское общество и индивид выступают в нерасчлененном виде, а понятия государства еще не было, то это еще не значит, что не было «государства» в античной Греции. В таком случае Мигранян должен был определить четко и ясно, что есть, по его мнению, государство. Конечно, понимание государства является предметом исследователей с глубокой древности и до наших дней. А множество концепций государ-

ства можно условно классифицировать в зависимости от того, какая характеристика принимается за основу.

Данное утверждение Миграняна читается не как принятие им концепции Аристотеля, а скорее как предисловие к тому, что такое положение вещей в общественном развитии должно измениться. В подтверждение этого дальше мы читаем: «Гражданское общество – продукт нового времени, его существование в античности было немыслимо» [32]. По нашему мнению, такой вывод ему позволяет сделать его собственное утверждение о том, что основного, в современном понимании, условия существования гражданского общества – демократии в античной Греции не было. Обосновывает он этот вывод тем, что демократия невозможна без понятия свободы, а древние греки не были свободны, так как были подчинены общественному мнению и обычаю.

Сразу возникают вопросы: в частности, означает ли представленный подход, что сущность современного гражданского общества отлична от сущности несовременного гражданского общества? И что значит, по его мнению, свобода, произвол, «подчинение»? И так далее.

Таким образом, Мигранян утверждает, что в Древней Греции не существовало определенного политического режима, а все многочисленные государственные устройства базировались на обычаях в управлении, в той или иной мере, поддержанных общественным мнением, которое в данной трактовке приобретает статус структуры общества. По своему Мигранян понимает и саму структуру политического в Античности. Он не видит в ней ничего, что указывало бы на ее трансцендентность, отрицая ее моральную мотивировку индивидуальных и коллективных решений и процедуру социального или политического выбора, отводя эту функцию к сфере формирования обычаев. Античное общество, по мнению Миграняна, представляет собой форму социально-политического союза, стабильность в устройстве которого не зависит от изменяющихся условий, опять благодаря тому, что длительный период формирования обычая обеспечивает долговременное подчинение ему. Этим он доказывает, что плюрализм мнений, свойственный современным формам демократического устройства, в полисах

Древней Греции не наблюдается. Плюрализм в Античности отрицается самой идеей построения государства в соответствии с бытующими обычаями и общественным мнением, которые играют роль общественной морали, не совершенной в своей форме.

Плюрализм и демократия в современном понимании характеризуются как процедура осуществления политической морали, сочетающей некий разделяемый всеми членами общества критерий при сохранении разногласий. Рассматривая именно этот компонент гражданского общества современности, следует отметить правоту и новизну теоретических воззрений А. Миграняна. Но, к сожалению, в его работах отсутствует соотнесенность его выводов с современной эпохой. Он останавливается лишь на критике и противопоставлении современных политических реалий и античных.

А. Мигранян включал в содержание понятия гражданского общества всю совокупность неполитических отношений в обществе, т. е. экономические, духовно-нравственные, религиозные, национальные и т. д. Гражданское общество – это сфера спонтанного самопроявления свободных индивидов и добровольно сформировавшихся ассоциаций, организаций граждан, которая ограждена необходимыми законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан со стороны органов государственной власти.

Актуальность понятия гражданского общества Мигранян сводил к начавшейся в 1991 г. перестройке, целью которой, по его мнению, являлось ограничение государственного вмешательства в экономическую и социокультурную жизнь. По мере укрепления гражданского общества государство займет отведенное ему теорией место – быть функцией общества под надежным его контролем. Главной политической задачей перестройки, происходящей под руководством партии, Мигранян определял достижение полного контроля гражданского общества над государством.

Идеи Миграняна о роли морали в сфере политическом, и в частности в гражданском, общества перекликаются с упоминавшейся нами уже работой С. Л. Франка «Плано-

мерность и спонтанность в общественной жизни (государство и гражданское общество)». Правда, его работа носит не критикующий, а скорее систематизирующий характер. Так, разделив изначально сферы деятельности государства и гражданского общества, сначала описываются условия и принципы развития государства, а затем рассматривается гражданское общество в соотношении с законами, установленными государством. Франк утверждает, что определение цели жизнедеятельности общества является прерогативой государства, но, по нашему мнению, такие функции осуществления этой цели, как определение путей и средств ее достижения, относятся к сфере деятельности гражданского общества.

Современные представления о гражданском обществе не связаны не только с четкими дефинициями, но и с четкими представлениями о том, что же оно такое – в этом следует согласиться с М. В. Ильиным и Б. И. Ковалем. В частности, по собственному представлению указанных ученых, гражданское общество – антитеза государству, некое социальное, экономическое, духовно-культурное пространство «абсолютной свободы частных лиц в их отношениях друг с другом» [33]. Разумеется, абсолютная свобода понимается авторами не как анархия, а как «относительная свобода», свобода одного человека ограничивается свободой другого человека.

Далее указанные авторы ведут речь о том, что гражданское общество характеризуется горизонтальными невластными связями, образующими три слоя: 1) *производственный*; 2) *социокультурный* (семейно-родственные, этические, религиозные и др.); 3) *индивидуально-ценностные ориентации* (клубы, группы по интересам, партии, политические движения). Таким образом, гражданское общество – в том числе и пространство свободной активности; все горизонтальные связи (общественные отношения), кроме политических; социальные группы. Похоже на то, что гражданское общество представляет собою все, что не есть государство, хотя М. В. Ильин и Б. И. Коваль против подобного подхода.

В современной отечественной литературе выделяются две основные интерпретации понятия гражданского общества:

1) как *состязания социума в целом, для которого характерна высокая правовая и политическая культура;*

2) как *социальной сферы, состоящей из совокупности отношений, структур и институтов, относительно независимых от государства.*

В основе формирующей парадигмы лежит постгегелевская традиция рассмотрения гражданского общества как особой негосударственной сферы, дополненная либеральными принципами, т. е. акцент делается на независимости общественных институтов, а не на противоречиях гражданского общества.

Аналитическое разделение гражданского, политического и экономического общества в отечественной литературе не получило широкого распространения и было критически осмыслено.

Термин «гражданское общество» не применяется в качестве единой общей категории. Разнообразие подходов к осмыслению данного феномена приводит к ситуации, когда одни авторы делают вывод о том, что в России нет гражданского общества, другие – что оно находится в зачаточном, аморфном состоянии, третьи – что гражданское общество в России уже сложилось. Ряд исследователей считают, что Россия «проскочила» исторический рубеж формирования гражданского общества и нельзя исключить вероятности того, что в современной ситуации оно «может не сложиться» [34].

Анализ современных российских разработок в области теоретических обоснований гражданского общества обнаруживает два специфических параметра данного понятия:

1) теоретико-аналитический;

2) нормативный.

Первый используется как теоретическая категория для анализа и объяснения социальной реальности. В этом смысле гражданское общество означает специфическую совокупность общественных коммуникаций, социальных связей и институтов, главными субъектами которой являются: гражд-

данин с его правами и обязанностями и гражданские объединения, общественные движения, гражданские институты.

В отличие от теоретико-аналитического подхода во втором случае понятие «гражданское общество» имеет преимущественно статус нормативной концепции, которая способствует мотивации граждан и других социальных субъектов к развитию содержания и различных форм гражданской активности. Для трансформируемого общества именно эта интерпретация имеет решающее значение.

Понятие гражданского общества уже несколько веков играет важную роль в европейских и англо-американских странах, чего нельзя сказать о России, в жизни которой оно как в теоретическом, так и в практическом смыслах занимало традиционно незначительную, можно сказать маргинальную, нишу.

При характеристике конкретного состава гражданского общества перед исследователем стоит задача исторического и структурного подхода, поскольку в процессе исторического развития состав этот претерпел серьезные изменения. Исторически эволюция гражданского общества характеризовалась не только новыми приобретениями, но и отмиранием некоторых его элементов, постоянно меняющимся соотношением между традиционными и возникающими структурами. Проблема в том, что с момента возникновения человеческой цивилизации формируются и утверждаются в социальной жизни такие структуры, как семья, община, а позднее и корпорация, которые по своей природе представляют сферу частной жизни и способны выступать в качестве ассоциаций, характеризующихся самостоятельностью решений и действий. В силу их негосударственного характера на них иногда распространяется понятие гражданского общества. Однако ни эти общности, ни составляющие их индивиды не обладают необходимыми для функционирования в этом качестве правами и свободами. В данном контексте не выполняется основное, принципиальное условие существования гражданского общества – его индивидуализированный характер, где приоритетное место отведено частной жизни гражданина. Причем под определением «частная жизнь» имеются в виду частная жизнь

индивида с его личными потребностями и частная жизнь гражданина с его гражданскими и политическими правами и обязанностями. В общественной же организации, будь то ассоциация или община, над индивидом довлеет «диктат всеобщности», или, проще говоря, принцип коллективизма.

Таким образом, современные российские разработки в области теоретических обоснований идеи гражданского общества показывают – насколько значительно эволюционировала эта идея. Эволюция представлений в отечественной философии о гражданском обществе характеризуется обусловленностью со стороны постоянного изменения соотношения между традиционными и возникающими социальными структурами, при котором детерминирующую роль играют факторы культурно-цивилизационного порядка.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Охарактеризуйте идеи, лежащие в основе гражданского общества.
2. Назовите основные концепции гражданского общества.
3. Дайте характеристику основным методам формирования гражданского общества.
4. Рассмотрите особенности развития теорий гражданского общества за рубежом.
5. Выявите особенности развития теорий гражданского общества в России.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. История развития гражданского общества в любой европейской стране.
2. Особенности развития гражданского общества в США.
3. Эволюция теорий гражданского общества.
4. Особенности развития теорий гражданского общества.
5. Концептуализация теорий гражданского общества в современной России.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Астанин В. В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // Адм. и муницип. право. – 2011. – № 4. – С. 5–8.

Батьянова Л. Н. Гражданское общество: особенности структуры и функционирования // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2007. – № 11. – С. 79–84.

Батьянова Л. Н. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) / Л. Н. Батьянова, И. А. Журавлева // Социальные проблемы и безопасность российских регионов : материалы второго Байкал. науч. социол. симп. – 2015. – С. 177–186.

Бондаренко Г. И. Управление гражданским обществом в процессе формирования правосознания / Г. И. Бондаренко, Т. Б. Берсиров // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. – 2012. – № 3. – С. 147–152.

Видяпин В. От сильного государства к сильному гражданскому обществу // Самоуправление. – 2010. – № 2. – С. 39–40.

На пути к гражданскому обществу (по материалам «круглого стола») / А. П. Галкин, Е. А. Матвиенко, Н. А. Скобелина, А. Н. Леонтьев, Л. Н. Шереметьева // *Primo Aspectu*. – 2008. – Т. 5, № 7 (45). – С. 116–122.

Грудцына Л. Ю. Социальная информация как инструмент управления гражданским обществом: постановка научной проблемы / Л. Ю. Грудцына, А. В. Лагуткин // Образование и право. – 2016. – № 1. – С. 23–37.

Грудцына Л. Ю. Управление гражданским обществом при помощи информации: место и роль частных интересов в системе гражданского общества / Л. Ю. Грудцына, А. В. Лагуткин // Юстиция. – 2013. – № 2. – С. 1–11.

Денисов В. М. Гражданское общество как механизм гражданской самоидентификации общества // Менеджмент в России и за рубежом. – 2012. – № 1. – С. 56–63.

Ежов А. Н. На пути к гражданскому обществу – 150 лет отмене крепостного права в России // На пути к гражданскому обществу. – 2011. – № 1–2. – С. 3–9.

Етимян Л. Г. Гражданское общество как особый исторический тип отношений государственной и гражданской сфер внутри общества / Л. Г. Етимян, Г. М. Мушегян // Вопр. гуманит. наук. – 2008. – № 4 (37). – С. 184–186.

Канунников А. А. Европейское гражданское общество или гражданское общество стран Европы? // Вестн. РУДН. Сер. Политология. – 2016. – № 3. – С. 61–70.

Лаврентьев С. Н. Между властью и гражданским обществом // Аккредитация в образовании. – 2012. – № 1 (53). – С. 54–55.

Лагуткин А. В. Диалог между гражданским обществом и государством в России: перспективы и возможности / А. В. Лагуткин, Л. Ю. Грудцына, А. М. Пономарев // Вестн. РУДН. Сер. Юрид. науки. – 2013. – № 3. – С. 85–94.

Полюшкевич О. А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (9). – С. 75–80.

Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе / О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 180 с.

Полюшкевич О. А. Бизнес и власть: основы гражданской консолидации / О. А. Полюшкевич, П. А. Трескин, А. В. Кобжицкий // Дискуссия. – 2012. – № 6. – С. 94–100.

Салмин А. М. Между верховной властью и гражданским обществом: современная демократия в вертикальном измерении // Вестн. Ин-та социологии. – 2013. – № s1 (6). – С. 3–11.

Чигрина Е. В. Гражданская активность как фактор и условие институционализации структур гражданского общества / Е. В. Чигрина, Л. Н. Батьянова // Гражданин и право. – 2010. – № 3. – С. 4–9.

Шамхалов М. А. Местное самоуправление между государственной властью и гражданским обществом // Социология власти. – 2011. – № 3. – С. 163–171.

ГЛАВА 2

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

2.1. Теории справедливости

В течение XIX в. частота упоминаний понятия *справедливость* возрастает: оно приобретает значение воздаяния по заслугам; смысловое значение термина справедливость меняется: если до середины 50-х гг. речь идет о совершенстве личности в рамках *нравственного и этического развития*, то с 60-х гг. проблема справедливости воздаяния приобретает *социальное* содержание.

В результате к концу XIX в. формируются две противостоящие друг другу трактовки возмещения по заслугам в рамках справедливости:

- 1) *социалистическая* – распределение в соответствии со степенью трудового участия;
- 2) *коммунистическая* – распределение в соответствии с потребностями.

Классическому значению справедливости в большей мере соответствовала социалистическая трактовка, в то время как коммунистическая ориентирована на всестороннее равенство. Во втором случае справедливость приобретает особенный, не используемый раньше революционный принцип безусловного распределения. Такой смысл в понимании справедливости связан с распространением марксистских идей в России, когда нравственные идеалы следует понимать «как требования такого-то класса, порожденные такими-то общественными отношениями» [35].

Идеалы нравственности при революционном взгляде становятся не разумными требованиями, предъявляемыми в отношении каждой личности, а приобретают обществен-

ный, коллективный характер. Соответственно, чем ближе к осуществлению идеалов так называемой мировой революции, тем больше членов общества становятся носителями революционной справедливости, ключевым признаком которой являлось допущение насилия в рамках справедливого действия. В процессе полемики и поиска альтернативного социальному, революционному и насильственному облику справедливости, со стороны русских философов-классиков (С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Соловьев) и писателей (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой) предпринимались попытки обезличивания идеи социальной справедливости.

По культурной русской традиции при выражении содержания сути учений о Боге смысловое значение связано со значением правды, где справедливость играет роль посредника между нравственным сознанием и общественной практикой. Особенной чертой при использовании религиозного подхода к пониманию справедливости на первый план выходит глубокий внутренний смысл связи человека с Богом-творцом. В рамках такого подхода уровень социальных отношений и развитие социальных групп в государстве отходит на второй план, уступая первенство духовно возвышенным и близким. В таком контексте справедливость приобретает значение не социальное, а более глубокое этическое, нравственное и духовное.

Для экономики в каждом государстве характерен поиск своего пути в решении указанной проблемы, следует отметить, однако, что в современном обществе в рамках стремления к идеальному варианту нет и не может быть, на наш взгляд, универсального окончательного ответа. С другой стороны, позитивный рыночный потенциал превосходит все возможные издержки в стремлении к прибыли в условиях свободного рынка. Рынок становится эффективным, после достижения высокой стадии в своем поступательном цивилизационном развитии, что связано не только с числом потенциальных покупателей и продавцов. Система рынка занимает особое место в развитии общества и руководствуется своими неписаными правилами и установлениями.

В конце XVIII – начале XIX в. правовой вопрос философами и исследователями ставился с точки зрения мора-

ли, регламентирующей деятельность правителя. При таком подходе система права является набором обязательных к соблюдению установлений, когда каждый член общества обязан соблюдать все без исключения законы. Однако с этической точки зрения внутренняя дилемма возникает в сознании индивида в случаях, когда позиция в обществе является преобладающей по отношению к многим другим и есть возможность, используя рычаги власти, разрешать межличностные конфликты. Нормативная, сдерживающая функция права, что стоит перед носителем власти в государстве, как ограничивающая своеволие и дающая гарантию соблюдения норм закона; такая функция права связана с идеями И. Канта. Для немецкого философа образ правового государства, где понимание этической стороны права и закона не смешиваются воедино, являлся преимущественным над остальными системами устройства общества и государства. Он одновременно радикализирует их с помощью новых «строгих моральных» формул. Кант решительно выступает против самого идеала отечески заботливого правителя.

В XIX в. США продемонстрировали пример экономического подхода ко всем политическим и идеологическим проблемам, когда конгресс США десятилетиями обсуждал лишь экономические вопросы на официальных заседаниях. В современном социуме этот подход внедряется повсеместно. Также подспудно внедряется и идеологическая составляющая в рамках вышеназванных тенденций глобализации.

При воссоздании объединенных наций и государств в Европе происходило усиление национальной составляющей в рамках государственной идеологии в Германии, Италии, Франции. Национальное единство несет серьезный стимул на первых этапах развития нового единого государства. Стремление к преобладанию в национальном аспекте приводит к неизбежному конфликту внутри многонационального государственного образования.

При развитии идеи гражданского общества идеология опирается на принципы национализма. Серьезным диссонансом с потребностью русского народного духа в динамическом развитии является слабая проработанность теоретических проблем идеологии русского национализма. С

этой непроработанностью теории связана опасная, тревожная тенденция: в русском национализме достаточно сильные позиции занимает языческое антихристианское течение. Такая ситуация абсолютно абсурдна, поскольку русский национализм исторически возник в русле Православия.

После революции в XX в. организации русских националистов в 20–30-е гг. возникали и развивались, несмотря на идеологию социализма. Однако агрессия коммунистической идеологии вынудила русских националистов идти по пути агрессии и взаимодействия с внешними противниками Советов.

Русский национализм не стирает различия между нациями, не уничтожает культуру малых народов, а включает её, сам обогащаясь и глобализуясь за счёт поликультурности в составе России. Русский имперский национализм не стремится к преобладанию за счет угнетения других народов, напротив, они создают положительный образ русского народа – многогранного, открытого, поликультурного, с широким набором духовных и религиозных ценностей и конфессий; не агрессивного, а за счет своей целостности стремящегося к поддержке и помощи другим нациям и государствам.

Сегодня в проблеме формирования идеологии определяющую роль играет временной разрыв, так же как разрыв между поколениями и комплексами ценностей шестидесятников и людей из девяностых. Стоит ли ставить вопрос о тенденциях формирования современной идеологии с досоветских времен? Тенденция возвращения к имперским основам, бесспорно, есть, но весьма опосредованная. Более очевидны тенденции *глобализации*, здесь и внедрение потребительской основы в общество, и стремление к обогащению для повышения уровня потребления, также создание системы ценностей в оправдании стремлений к обогащению, повышение уровня уважения в обществе к носителям материальных благ. На наш взгляд, в обществе одновременно формируются источники для идеологии потребления, национальной идеологии, социальной идеологии как противовеса процессам капитализации общества, также в

перспективе существует основа для усиления религиозной идеологии – как противовеса влиянию западной культуры [36].

На естественное формирование общенациональной идеологии требуются столетия общекультурного развития. Поэтому эксперимент со скоростным внедрением новой идеологии выглядит в политическом плане, конечно, весьма смелым.

Другой вопрос, что стратегически попытка возврата к идеологизации под любым предлогом – особенно на фоне объективной глобализации – является откровенной деградацией.

Идеология в XX в. на территории бывшего СССР направлена на категории населения с низким и средним достатком, условно говоря, такую систему можно назвать идеологией для бедных: «Представление о бедности не столько как о недостатке денег, сколько как о недостатке определенного рода возможностей – очень важная установка» [37]. Однако современная потребность в идеологии в настоящее время требует выработки комплексного варианта идеологической системы.

В результате понимание идеологии на государственном уровне в России связано с вмешательством во все сферы жизни человека. Т. И. Заславская считает, что «такие качества, как отсутствие гражданственности, конформизм по отношению к власти, нетребовательность и смирение, парадоксально сочетающиеся с неуважением к закону и чужой собственности, сформировались у россиян в первую очередь под влиянием многовекового рабства» [38].

В конце XX в. стало очевидным, что время тоталитарных идеологий как основы жизни народов и политических систем прошло. В процессе реализации гуманитарных прав и свобод в мире, который неуклонно стремится к состоянию светскости, идеологий может быть не меньше, а, вероятно, больше, чем мировоззрений и вероисповеданий. В рамках формирования новых идеологических систем важное место занимают экономические мотивы.

Культ личности и в особенности его последствия весьма негативны не только для отдельных людей, не согласных с общим курсом развития, но и для всех остальных членов

социума. Пережившие культ личности И. В Сталина имеют яркие представления об этом периоде в советской истории.

С течением времени ситуации в любом сообществе меняются, противоречия, потенцируемые давлением культа личности, нарастают. Некоторые люди начинают понимать, что так далее жить нельзя и надо что-то менять в устройстве системы. Любому обществу или группе для нормального развития жизненно необходимы люди, которые осмеливаются осуществлять критику возникающего и развивающегося культа личности. После продолжительного, нередко неоправданно эйфорического состояния авторитарно устроенного общества или группы наступает застой, а затем кризис, в результате которого под угрозой ставится само существование объединения, группы или государства.

Нормально развивающемуся сообществу после действия авторитарной системы организации придется прийти к осознанию и развенчанию культа личности и осуществлять поиск основ для внедрения принципов общественного договора с властью. Для многих членов общества пережить подобное развенчание весьма непросто. Мифы о стабильном состоянии общества в период крепкой власти создают возможности и условия для возникновения новых культов в исторической перспективе.

Существуют объединения, в которых либерально-демократическое состояние недостижимо, поскольку препятствует выполнению задач, к примеру, в таких силовых структурах, как армия и другие; это не означает, что культ личности нормален для таких объединений.

В соответствии с современной цивилизованной этикой и правом гражданин в обществе может свободно исповедовать любую религию, придерживаться любой идеологии и открыто пропагандировать свои взгляды, если это не наносит ущерба социуму, не вступает в конфликт с Законом. Все же главным остается вопрос: что становится общенациональным ориентиром и ценностью? Важно отметить, что основным является *абстрактное стремление к общему благу*, для достижения которого существует ряд лабиринтов в социальной сфере. Каждая идеологическая система

стремилась выработать комплекс правил для регулирования жизненных процессов субъекта социума.

Религиозные конфессии устанавливали кодексы и регламенты для своих последователей как эталон для духовного роста. Религиозные постулаты в XIX–XX столетиях использовались для обоснования богоизбранности в национальных идеологиях Германии и Италии. Обращаясь к прецедентам использования религиозной мотивации идеологами, хотелось бы отметить, что религия как вера людей, их внутренние святыни и глубинное стремление к Богу не подходящая среда для безнаказанного спекулирования, не то, с чем можно шутить в сиюминутных политических целях.

За последние два десятилетия идет процесс возрождения культуры и религиозных традиций в России. Отвергавшие прежнюю идеологию представители демократической власти в России не соотносили культуру, религию и идеологию как части единого целого, для них эти категории являются разными сущностями. Роль культуры в формировании ценностных категорий в сознании населения также не являлась за эти двадцать лет точкой отсчета для руководителей государства. Для культуры не создаются условия свободного развития, при котором способны сформироваться принципы и основы русского мира, независимого от западного влияния.

Проблема создания идеологии за период последних двадцати лет ставилась политическим руководством страны на самом высоком уровне. Попытки сформулировать основные принципы современной российской идеологии предпринимались неоднократно, все они оказались безуспешными. Философское познание столкнулось с необходимостью различения основных типов общества – коллективистского и индивидуалистического, изучения специфики их становления и развития.

В процессе решения проблемы соответствия идеологии типу общества, с учетом сложившихся в стране теоретических традиций, ключевое значение имеет выработка единого подхода к ценностным категориям. Как отмечает Н. М. Сирота, в «меняющемся интеллектуальном пространстве постиндустриального, информационного мира ослабе-

вает прежде жесткая привязанность идеологий к строго определенному социальному носителю – группе, слою, классу, государству» [39].

В этом контексте актуализируется проблема истинности идеологии. Начинается активный поиск новых, наиболее адекватных сегодняшней социальной действительности идеологических ориентиров. Государственная идеология, обеспечивая стабильность, формирует у граждан чувство удовлетворенности, убеждение в преимуществах существующей формы правления и организации общества. Идеология воспитывает солидарность, патриотизм, стремление к общественно значимым целям. Жизнеспособная идеология должна соответствовать генетически заложенным стереотипам жизнедеятельности, элементам национальной психологии и векторам исторического развития.

В отечественном обществоведении ведется полемика на тему идеологии: *нуждается ли сегодняшняя Россия в общенациональной идее и какой она должна быть*. Обращаясь к этой полемике, следует отметить, что не существует другого продукта человеческого сознания, который бы пережил в нашей стране столько изменений, как идеология. Источники формирования государственной идеологии в России в период монархии связаны с образом коронованной особы, религии и отечества. В XX в. после разрушения империи вследствие ряда революционных переворотов и гражданской войны, источниками развития новой идеологии стали социалистические идеи конца XIX в. В постсоветском обществе результатом внедрения рыночных механизмов становится реализация договорных отношений в обществе. Таким образом, идея *общественного договора* – общественно-экономической теории происхождения гражданского общества, государства и права как результата соглашения между людьми – практически оформляется в деятельности отдельных предпринимателей и бизнес-систем, с которыми государственные органы выстраивают отношения на договорной основе.

Мировая политика выработала множество идеологических систем. Основными разновидностями современной политической идеологии являются либерализм, консерва-

тизм, коммунизм, социал-демократизм, каждая из которых имеет свои истоки, социальную базу и т. д. В современной России для формирования идеологии есть ряд разнообразных экономических, социальных и националистических источников, связанных с противоречивыми взглядами партии власти, либералов и коммунистов.

Во время И. В. Сталина созданный им образ идеологии, объявленный наукой, становясь и оформляясь, быстро стал не чем иным, как «извращенным сознанием», обслуживающим номенклатуру, безжалостно подмявшим под себя всякое свободомыслие и задушившим любое инакомыслие, что для прогресса было смерти подобно. В период 1950–80-х гг. началось робкое освобождение от этой идеологической составляющей, круговерть идеологических метаморфоз, казалось, остановилась на принципе идейного плюрализма и закрепились в ст. 13 Конституции: «В Российской Федерации признается идеологическое разнообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной...» [40].

В подходе к определению сути и понимания идеологии в целом, определение может содержать комплекс идей, направленных на реализацию определенной общественной цели, которая, направляя массы и организуя их, превращается в мощную материальную силу, способную не только разрушить устаревшие общественные порядки, но также создать и защитить новые. При попытке увязать общественно значимую роль идеологии с интересами индивида важно, что суть политической жизни вырастает из того обстоятельства, что человек – существо общественное, что он ведет человеческий, а не животный образ жизни, ибо каждый ищет и имеет определенный смысл жизни.

В данном случае речь идет не о том смысле жизни, который связывают с борьбой за социальные идеалы, с идеологией вообще, а о смысле жизни в более узком, индивидуально-личностном плане. Но нельзя отрицать и того, что на протяжении всей истории цивилизации политики и политические партии широко использовали эту специфическую черту человеческого бытия, выдвигая свои лозунги, политические призывы, формулируя идеалы, стараясь таким

путем наполнить собственным содержанием смысл жизни каждого, чтобы сделать его приверженцем данной партии, ее идеологии.

Основоположники *марксизма* исследовали идеологию на основе изучения процесса общественного производства и общей структуры общества. Согласно их мнению, экономические отношения образуют реальный базис общества, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка. В связи с этим они говорили об идеологии первого порядка и об идеологии второго порядка, куда входили все формы общественного сознания. Причем оба уровня идеологии являются иллюзорными формами осознания и отражения действительности. Иллюзорными потому, что государство, не говоря уже о таких формах общественного сознания, как политика или религия, дает вовсе не зеркальное, а весьма своеобразное воспроизведение существующего, где многие реальные отношения выглядят или перевернутыми, или грубо искаженными. Именно этими обстоятельствами определяется то, что наблюдается на всех уровнях существования идеологии: т. е. и государство и формы общественного сознания затемняют и заслоняют собой подлинный предмет научного сознания – процесс материального производства, который является детерминирующим элементом общественной структуры. Идеология оказывается ложным сознанием также потому, что в ней материальные интересы лишены своей первичной значимости, а идеальные силы выступают как конечные причины движения истории.

В России *либеральная* идеология начала развиваться в конце XVIII в., однако вплоть до 1917 г. она так и не получила достаточно широкой социальной базы, осталась в основном идеологией интеллектуальной элиты, политическим представителем которой в начале XX в. была партия конституционных демократов. Либерализм после Октябрьской революции был исключен из политической жизни страны. Современный либерализм по-прежнему остается идеологией для политической, экономической и интеллектуальной элиты российского общества, не имеющей сколько-нибудь широкой социальной базы. «Угроза потери

национальной самобытности сохраняется и в настоящее время. Причиной этого является продолжающийся сохраняться опасный дисбаланс векторов цивилизационного развития» [41].

Идеология *консерватизма* в современной России исповедуется так называемым национал-патриотическим движением, которое отвергает как коммунизм, так и западную демократию, выдвигая в качестве своей цели возрождение России на органически присущих ей, традиционно сложившихся условиях: сильном едином государстве, православии как основе духовной жизни, верности национальным традициям русского народа.

Под понятием *коммунизм* принято обозначать политические доктрины, провозглашающие своей целью создание общества, основанного на общественной собственности и социальном равенстве, где ликвидированы частная собственность, деление на бедных и богатых, эксплуатация.

Для *социал-демократической* идеологии характерны такие принципы, как справедливость, равенство, солидарность. В экономической сфере социал-демократия ориентируется на смешанную экономику, включающую частную, государственную и общественную формы собственности, конкурирующие между собой. В политической области концепция социал-демократии базируется на плюрализме, многопартийности, свободных выборах, правах человека, правовом государстве.

Для идеологии характерно стремление к упрощению и обобщению содержания действительности. Упрощенные формулировки идей воспринимаются людьми проще, чем системность научных доказательств, кроме того, идеология предлагает понятные и привлекательные идеи. Каждая идеология стремится к широкому распространению среди населения (пропаганда). Пропаганда бывает: устная, печатная, наглядная агитация, и в XX–XXI вв. появились средства массовой информации (СМИ). Каждая идеология претендует на то, что именно она даёт верное знание о мире. Различные политические организации стремятся к распространению в обществе своих оценок прошлого и настоящего и своего представления о будущем. Итак, наличие в

организованном социуме идеологии не является случайным феноменом, искусственным довеском к реальной жизни общества. Идеологическая система направлена на решение главной для любого общества задачи – *выживания в уникальной самобытной форме*. Национальный сепаратизм в государстве, криминальные войны, правительственная коррупция и перманентный передел собственности – лишь формы проявления этой общей тенденции развития социума, переживающего цивилизационный кризис. Находящееся в подобном положении государство не может не становиться объектом различных форм экспансии со стороны других государств, экспансия может принимать различные формы: военные, политические, экономические.

Формирующаяся в обществе точка зрения о потребительской роли экономики как сферы, достаточной для нормального функционирования общества, является поверхностной либо носит провоцирующий характер. Экономика формально-функциональна, она может обеспечивать лишь средства к жизни общества, но стержень его индивидуальности создать не способна. В связи с этим и провозглашенный в годы перестройки в СССР приоритет рынка над идеологией не привел к экономическому росту и лишь поставил государства, образовавшиеся при распаде единой страны, в зависимость как от иностранных экономик, так и от идеологических и религиозных систем зарубежных стран.

Основной механизм идеологии связан с осмысленными общественными действиями людей и является побудительной силой, непосредственным импульсом для соответствующих действий. Побуждая людей к социально-активным действиям, идеология вместе с тем обеспечивает действующим необходимую ориентацию. На этом фоне формируется определенная модель поведения как человека, так и всего общества. В результате идеология и выступает как система идей и представлений, истолковывающих окружающую действительность и побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать, приближаясь к поставленной цели.

Также здесь возникает связь с проблемой содержания идеологии и отношения этого содержания к вопросам лжи

и истины. В последнее время создаются концепции, запутывающие эту сложную, но принципиально важную проблему. До тех пор, пока речь идет о мобилизующей и организующей роли идеологии, ее способности привлечь на свою сторону массы, повести их за собой, вопрос истинности или ложности содержащихся в ней идей, целей и идеалов не играет существенной роли. Чаще случается наоборот: утопические идеалы и недостижимые цели, а то и просто лживые обещания сплошь и рядом оказываются более привлекательными для масс, чем реальность. Подобные идеи часто собирают вокруг себя самые многочисленные армии сторонников и тем обеспечивают пропагандистам подобных идей решающую поддержку среди определенного контингента.

Среди основных моментов концепции устойчивого развития особое место занимает требование сохранять окружающую среду для будущих поколений для реализации так называемой *межгенерационной* справедливости. В соответствии с концепцией, через повседневные решения современное поколение не только может влиять на нынешнюю ситуацию, но также и определяет уровни свободы для возможности выбора будущими поколениями своего оригинального, для них свойственного пути развития.

В таком случае реализация межгенерационной справедливости подразумевает принятие на себя современным поколением определенных этических и нормативных обязательств, которые связаны с равномерным распределением комплекса материальных благ среди представителей разных поколений. Практически межгенерационная справедливость является таким потреблением ресурсов, которое ряд будущих поколений смогут использовать не менее эффективно, чем нынешние.

Основу современных дискуссий на пути к пониманию справедливости напрямую принято связывать с «теорией справедливости», исследованием американского философа Дж. Роулза (1971). По содержанию данный труд содержит теорию, направленную против ряда теорий утилитаризма и меритократии. Роулз предлагает альтернативный проект устройства общества на эгалитарных началах – концепция

получила название «справедливости как честности», в качестве основы послужила идея общественного договора. Дж. Роулз переформулировал содержание понятия справедливость, что представляет собой попытку комплексного отображения достижений западной научной мысли за триста лет. Концепция получила признание как в обществе в целом, так и в западном научном мире, но в отдельных государственных системах концепция подверглась оживленной критике наравне с восторженными отзывами.

2.2. Особенности социальной справедливости в общественном развитии

В последнее время в нашей стране возрастает интерес к пониманию и изменению смысла значения справедливости.

В современном социуме набирают силу национальные элементы общественного сознания в рамках процесса поиска основ справедливости в отношении роста количества и качества культурного состава русского народа. В обществе развивается национальная дискуссия на тему справедливости; среди участников представители различных социальных слоев: эксперты, религиозные деятели, предприниматели, политики, научные сотрудники. Доминирует дискурс на консервативной основе как результат социальной потребности конца XX – начала XXI вв.

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), за последние годы осуществлена общественная консолидация вокруг двух основных ценностей: справедливости и порядка, хотя российское общество по-прежнему крайне индивидуализировано по сравнению со странами Западной Европы.

Идеологии как потенциальный источник и генератор идей справедливости в самом широком смысле являются системой взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной

на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений.

В современном обществе ситуация в большей мере зависит от экономических достижений, классические формы и периоды апробирования идеологий прошли. Современный международный рынок определяет доходность и прибыльность, экономическую эффективность государства с определенной идеологией; в условиях поиска путей эффективного развития национальной экономики идеология становится совершенно излишним элементом.

В рамках перспективного развития особого внимания заслуживают экономические и хозяйственные формы объединений, способные создавать национальный продукт для поддержания жизнеспособности и обеспечения развития общества. Сложность структуры таких объединений и организаций препятствует созданию рационального взаимодействия и достижению доверия. Стремление к обеспечению высокого уровня доверия в обществе способно в результате привести к положительному экономическому эффекту.

От общественного доверия зависят процессы перераспределения, производства, накопления и потребления национального и общественного продукта. Также общественное доверие приобретает политическое значение в отношении управления собственностью.

В процессе централизации система государственного управления способствует разрушению социальных связей и общественного доверия. В исследованиях Ф. Фукуямы отмечается роль правового регулирования в компенсации недостатка *общественного доверия*. Особое внимание уделяется экономическим функциям общественного доверия.

В основе доверия лежит благоприятный настрой и ожидание со стороны отдельных лиц или организаций высокой вероятности положительного результата. В современной отечественной оценке доверие понимается как *некий универсальный социальный институт, существующий в течение всей истории человеческого общества*. Стремление к общественной деятельности обеспечивается доверием при малой затрате времени и сил в процессе согласования. Среди функций доверия важной общественной

функцией является функция уравнивания социального и культурного разнообразия. Доверие функционально формирует солидарность и идентичность между членами общественных групп и способствует социальной интеграции.

Общественное доверие правомерно рассматривать в качестве ресурса системы государственного управления. Такую позицию отстаивает в своем исследовании Л. Б. Москвин: «Доверие и недоверие, согласие и несогласие, так же как и настроение масс, общественное мнение, являются своеобразными ресурсами развития политического процесса и важными категориями политологии, составляющими основу политического целеполагания и побудительного мотива политической деятельности людей» [23]. При таком подходе общественное доверие стабилизирует ситуацию в обществе. Эффективное воздействие на процесс упрочения позиций власти в обществе связано с заинтересованностью во взаимовыгодном сотрудничестве при гарантии обеспечения необходимого уровня доверия.

Об итогах работы государственных статистических органов свидетельствуют конкретные количественные данные о населении, сферах жизни и отраслях хозяйства. Официальная статистика РФ подвергается серьезной критике, в связи с рядом системных недостатков, отражающихся на результатах сбора информации. Очевидная важность объективных статистических данных связана с выявлением проблемных областей и регионов на уровне страны и сфер жизни на уровне общества. «Государственная система использует данную информацию для принятия решений и для установления коммуникаций с обществом» [Там же]. Полноценное и централизованное обладание статистической информацией позволяет представлять населению данные в такой форме, которая свидетельствует о высоком качестве государственного управления и стимулирует повышение доверия населения.

В результате государство посредством мягкой силы, пропагандистскими методами формирует в сознании представителей общества положительное отношение к представителям системы государственного управления и власти в

целом. Демонстрация политической воли в выборе путей решения конкретных политических проблем, подобных крымскому вопросу, приводит к отсутствию критической реакции у населения и росту доверия к власти, снижает уровень социальной напряженности.

В XX в. теории социальной справедливости развивались и реализовались на практике в рамках действия идеологических учений на территории государств Восточной и Западной Европы. Основы социальной справедливости воплотились в законодательстве идеологизированных коммунистических, фашистских и нацистских правительств: стремление к достижению социальной справедливости ориентировано на все слои населения без серьёзных протестов со стороны влиятельных представителей общества.

На современном уровне рыночных отношений возникает ситуация, при которой многообразие нравственных, правовых и экономических составляющих приводит к противоречиям в различных формах. К примеру, современная направленность на получение прибыли далеко не всегда на практике воплощается в соответствии с моралью и правом. Представители современного бизнеса в реализации своего взгляда на справедливость вступают в противоречие с нормами общественной морали. Следует обратить внимание, что подобные ситуации характерны для бизнеса в развитых странах мира, где реальные события говорят о серьёзных нерешенных проблемах в области соотношения морали, законности и прибыли.

Принцип уравнивания выступает в качестве аутсайдера по отношению к справедливости. Уравнивательный подход фактически придает равенству потребительский характер, в этом проявляется утопичность уравнивательной справедливости. Административно-командная структура, как составляющая государственной системы, создавалась и развивалась на основе идеи уравнивательной справедливости. На практике подобная система нуждается не в элементах и структурах свободы и равенства, а в строгой иерархии и подчинении органам обеспечения порядка на местах. По своей структуре уравнивательная справедливость представляет собой многоуровневую пирамиду привилегий.

Каждый уровень такой пирамиды содержит свои меры и нормы уравнивания, каждая более высокая ступень представляет собой образ привилегий перед предыдущей ступенью. Вся система привилегий, таким образом, является целостным комплексом преимуществ для всех индивидов, находящихся вне её влияния.

Наличие привилегий у одних перед другими членами общества является принципиальной, зачастую необъяснимой проблемой уравнивательной справедливости, напрямую связанной с насильственным характером уравнивательных норм и самого режима.

В целом уравнивательная формулировка справедливости традиционно доминировала в либеральной политической философии. Распределительная трактовка – в социалистической, социал-демократической и – наиболее ярко была представлена – в коммунистической.

При всем разнообразии исторических форм проявления и действия принципов формального равенства в различных социально-экономических формациях данный принцип сохраняет универсальное значение для всех исторических типов и систем действующего права. Последние и являются собственно правовыми лишь в той мере и постольку, поскольку в них присутствует, нормативно выражен и действует принцип формального равенства и формальной свободы.

Неофициальное принуждение формирует принцип формального равенства и другие объективные свойства права, а, напротив, они требуют их признания, реализации и защиты в общеобязательных формах. Таким образом, закон может как соответствовать праву, так и расходиться с ним в случае возможных ошибок законодателя, а также различных злоупотреблений формой закона. Проблема соотношения права и закона имеет фундаментальное значение для всех направлений теории и философии права прошлого и современности.

Характерным признаком неправовой демократии, потенциально переходящей в тоталитарную организацию общества, становится наличие одного лидера и вождя.

Народная диктатура, опирающаяся не на закон, а на силу конкретной личности или их группы, избирает и формы своего представительства и свои методы политического управления – диктатуру и террор по отношению к отдельным членам общества. Современные подходы к пониманию соотношения права и закона говорят: «Проблема соотношения права и закона имеет фундаментальное значение для всех направлений теории и философии права прошлого и современности. Согласно диалектической концепции правопонимания, закон – это форма конкретизации права, конкретная форма его выражения и действия. Отсюда вытекает двуединое требование: право и только оно должно стать законом, а закон должен быть правовым. Противоположный подход характерен для представителей различных направлений юридического позитивизма, согласно которым право – это приказ официальной власти, а отличительный признак права – его принудительность, благодаря которой нечто неправоное впервые становится правовым. При таком подходе стирается всякое различие между правом и произволом, а сам закон из правового явления превращается в средство противоправного нормотворчества и инструмент насилия» [21, с. 232].

В результате вынужденного отказа от экстенсивного пути развития в обществе возникают сомнения в актуальности противопоставления экономической эффективности и социальной справедливости. Если в аграрном обществе основным фактором производства являлась земля, а в индустриальном таким фактором становится капитал, в итоге эффективность этих экономик определялась наращиванием материальных составляющих соответствующих ресурсов.

Качественный процесс перехода на интенсивную систему развития в условиях современной инновационной экономики изменяет смысловое содержание вкладов в повышение образования населения, развитие медицины и науки, переводя их из расходов в статус вкладов в развитие интеллектуального человеческого капитала. Такой капитал в развивающихся государствах, в том числе и в России, занимает стратегически выгодное, ключевое положение.

Для структуры общества в развитых государствах социальная стабильность является ключевым элементом экономической эффективности, поскольку в обратном случае экономическая нестабильность приводит к разрушению экономически прибыльных систем, для восстановления которых требуются дополнительные средства и время.

Принципиальное значение имеет то, какими путями внутри общества создается новый идеал справедливости, воплощение которого обеспечивается условиями для поддержания высокоэффективной сложноорганизованной экономики, менялся и сам тип социума в сторону осознания и готовности нести ответственность за эту реализацию. Суть распределения состоит не только во внедрении в сознание индивидуумов принципа необходимости распределения экономических благ; параллельно происходит процесс постоянной борьбы и распределения власти через делегирование части властных полномочий общественным структурам.

Справедливость на одном уровне с безопасностью и частично со свободой может рассматриваться как одна из базовых ценностей процесса развития общества. Кроме того, в процессе общественного развития категория справедливости обращает на себя внимание благодаря наличию связи с формированием нормативных, правовых, а также неформальных составляющих конкретного социума.

Цивилизационная тенденция в развитии общества, связанная со снижением уровня опасности в жизнеобеспечении, функционально входит в состав организации обществ и различных по уровню развития групп. В связи с этим среди основных ценностных категорий общественного развития можно выделить безопасность как всеобщее стремление к улучшению качества жизни и снижению уровня угроз для физического существования в обществе.

На этой основе формируются системы манипулирования человеческим сознанием с целью создания образа внутреннего и внешнего врага и неопределенной опасности как действенного механизма при возникновении необходимости мобилизации или консолидации общественного сознания. Политическая элита на всех уровнях государственной власти успешно применяет механизмы манипулирования, в последние годы идея безопасности в противостоянии врагу становится основой самого понятия «политического».

Для общества, организованного по традиционным принципам, в процессе социализации и консолидации приемлемым является обеспечение безопасности и справедливости. В случае ориентации на процесс развития, в обществе возникает такая базовая категория, как свобода самореализации и ответственности каждого индивида. Процесс общественного развития происходит при наличии определенной оси категорий, таких как свобода, справедливость, ответственность. Основное внимание в таком случае занимает справедливость, направленная одновременно на обеспечение безопасности и свободы личности. Пути решения таких проблем связаны с одной из базовых ценностей общественного развития – справедливостью. Внедрение справедливости в систему общественных ценностей формирует общественные нормы и контроль, мораль и права личности и т. д.

Отдельные члены общества ряд подобных ценностей воспринимают как несправедливые и неприемлемые. Если их количество растет, возникает импульс к реформированию и пересмотру отдельных правил. В этой связи важно отметить, что справедливость на практике воплощается *по двум направлениям*. Первое из них связано с формированием неких правил, запретов, норм, которые, собственно, и обеспечивают социализацию в рамках данного социума. Второе – с возможностями динамики этих институтов, вызываемых творчеством, самореализацией, инициативой отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

В обществах, функционирующих на традиционной основе, сторонники инноваций не пользуются поддержкой и становятся объектом различных нападков со стороны власти. При обострении факторов опасности и кризиса, представления о справедливости в обществе резко смещаются в сторону безопасности, за счет ограничения прав отдельной личности. Гарантия прав личности, условия их обеспечения и реализации выходят на первый план в условиях стабилизации политики и экономики на государственном уровне. Итак, основополагающим элементом на пути к пониманию содержания справедливости становится равенство как критерий сопричастности; нарушение принципов равенства вызывает негодование в обществе.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Теоретические основы социальной справедливости.
2. Особенности социальной справедливости.
3. Условия реализации социальной справедливости.
4. Взаимосвязь социальной справедливости и развития институтов гражданского общества.
5. Социальная справедливость в современной России.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. История развития теорий социальной справедливости.
2. Особенности теорий социальной справедливости в России и за рубежом.
3. Особенности развития общественного договора в странах Европы и США.
4. Эволюция форм гражданского общества и социальной справедливости.
5. Особенности устойчивого развития России.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аргунова В. Н. Социальная справедливость как основа политического и социального порядка // Желаемый облик будущей России : материалы Всерос. науч. конф. / Центр науч. полит. мысли и идеологии. – М., 2015. – С. 53–57.
2. Бидова Б. Б. Понятие и соотношение юридической и социальной справедливости в социальном государстве // Евраз. науч. журн. – 2016. – № 8. – С. 108–110.
3. Гладышева А. С. Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России / А. С. Гладышева, И. А. Стоянов // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. – 2016. – № 2. – С. 273–279.
4. Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социол. наука и соц. практика. – 2015. – № 2 (10). – С. 18–50.
5. Дроздов В. В. Социальная справедливость как основа социального государства // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 11 т. – Тамбов, 2014. – Т. 10. – С. 58–60.
6. Дьяльнова Т. В. Социальная справедливость – важнейший принцип социальной политики государства / Т. В. Дьяльнова, И. А. Панкратов // Информ. безопасность регионов. – 2012. – № 1. – С. 75–79.
7. Жовноватая В. А. Социальная справедливость как фактор оптимизации социальной структуры общества // Науч. исслед.: от теории к практике. – 2015. – № 3 (4). – С. 167–169.

8. Касаткина С. С. Система социального партнерства в российском городе как инструмент социальной справедливости // Проблемы социальной справедливости и современность : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред.: О. В. Козлова, А. В. Седов, О. Ю. Солодянкина. – Череповец, 2014. – С. 53–59.

9. Лаврентьев Д. С. Социальная справедливость как условие социально-политической стабильности в регионе // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 4. – С. 34–37.

10. Лыгина М. А. Социальная справедливость как атрибут социальной безопасности // Геополитика и безопасность. – 2010. – № 2 (10). – С. 106–110.

11. Мошняга В. П. Мировое социальное развитие и социальная справедливость в условиях глобализации // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманит. портал. – 2008. – № 6. – С. 3.

12. Нгуен Д. Т. Законы социальной стратификации в контексте социальной справедливости // Науч. обозрение. Сер. 2, Гуманит. науки. – 2015. – № 5. – С. 54–59.

13. Осин Р. С. Новые формы борьбы за социальную справедливость в контексте общегражданских протестов зимы 2011–2012 гг. // Экономика и право. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 195–201.

14. Полоюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 66–71.

15. Савченко П. О социальной функции государства как сфере взаимодействия экономической эффективности и социальной справедливости / П. Савченко, М. Федорова // Общество и экономика. – 2014. – № 7–8. – С. 149–157.

16. Сафронов П. А. Сообщества, справедливость, активизм: экологическая перспектива в социальном познании // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 81–86.

17. Севелов А. Н. Социальное государство в контексте социальной справедливости // Проблемы социальной справедливости и современность : материалы III всерос. науч.-практ. конф. – Череповец, 2013. – С. 108–116.

18. Серегин В. Социальная свобода и социальная справедливость // Самоуправление. – 2011. – № 2. – С. 22–23.

19. Смольников С. Н. Социальная справедливость социального государства // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы соц. исслед. – 2013. – № 1. – С. 201–205.

20. Хмелевская С. А. Модели социальной справедливости в системе социального обеспечения // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2014. – С. 138–141.

ГЛАВА 3

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СТРУКТУР ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Социально-политические элементы гражданского общества

Не подлежит сомнению, что все люди, так или иначе, вынуждены решать задачи самореализации. *Целями самореализации* человека в гражданском обществе становятся:

– достижение способности человека быть ответственным в свободе;

– стремление не только к негативной свободе – свободе «от» (принуждения, зависимости), но и к позитивной свободе «для» (осуществления своих планов, постановки социальных целей и пр.);

– достижение минимальных социальных благ.

Особенная природа самореализации, по нашему мнению, проявляется именно в *гражданской активности*, в связи с чем необходимо рассмотреть многообразные формы реализации данного феномена. Необходимо также сказать, что в соответствии с неoinституциональным подходом объектом исследования институтов и институционализации закономерно становятся не только структуры и организации, но и «правила игры», т. е. в нашем случае мы можем говорить о феномене «гражданской активности» как особого рода институте, оказывающем детерминирующее воздействие на формализованные структуры. Другими словами, институционализация структур гражданского общества предполагает предварительную институционализацию гражданской активности в качестве долговременной, воспринимаемой в качестве «само собой разумеющейся» практики, вовлекающей все основные слои социума. Дальней-

шее взаимодействие данных институтов принимает, разумеется, взаимообусловленный характер – в полном соответствии с теорией структуризации Э. Гидденса, рутинизированные, благодаря гражданской активности, структуры и практики гражданского общества сами, в свою очередь, начинают выступать в качестве фактора, обуславливающего такую активность.

В наиболее оформленном и формализованном виде гражданская активность проявляется в реализации феномена местного самоуправления, в основу которого положены современные представления и идеи построения открытого процветающего гражданского общества на принципах локальной демократии, децентрализации и деконцентрации государственной власти. *Децентрализация* выражается в передаче центром отдельных властных полномочий органам местного самоуправления. *Деконцентрация* представляет собой передачу полномочий назначаемым из центра на места чиновникам, а также дробление властей одного уровня. Законодательством о местном самоуправлении ряда субъектов Российской Федерации население муниципального образования справедливо именуется местным сообществом. Местное сообщество можно определить как *объединение граждан, проживающих на территории муниципального образования, имеющих муниципальную собственность и местный бюджет, а также общие интересы в самостоятельном и под свою ответственность решении вопросов местного значения по обеспечению своей жизнедеятельности.*

Смысл и цель гражданской активности определяется реализацией социально значимых интересов, которые присущи индивиду, различным объединениям граждан. Понятие «активность» характеризует системообразующий признак, определяющий в одном случае системные качества человека, а в другом – степень его участия в социальной жизни. Социальная динамика гражданского общества имеет также «внутренне» детерминированную сторону, которая выражается в ее активности и направленности на сознательное конструирование своей дальнейшей жизни.

Какие же именно ценности лежат в основе гражданской активности? Она зависит от духовных и политических ценностей и ориентаций, общей культуры субъектов деятельности и поведения в гражданском обществе.

Теоретик-политолог переводит жизнь людей в абстрактную категорию гражданского общества, но важно понять реальную многомерность экзистенции человека в социуме. Одна из ипостасей этой экзистенции и выражается в гражданской самодеятельности, самовыражении.

Под гражданской активностью следует понимать то, как индивиды (рядовые граждане) воздействуют на общие условия совместной жизни, прежде всего на политико-правовое пространство, в рамках которого каждый из них реализует свои частные, индивидуальные цели. При этом нас интересуют изменения, а точнее, новые тенденции, акценты во взаимоотношениях индивида, общества и государства, которые обусловлены политическими и социально-экономическими преобразованиями последних лет.

По *содержанию* гражданская активность может быть прогрессивной и консервативной, конструктивной и деструктивной, *по способам и методам* – конвенциональной и неконвенциональной. В данном случае следует отметить «конвенционализм» (от лат. *conventio* – соглашение) – направление в философии науки, согласно которому в основе естественнонаучных теорий лежат произвольные соглашения, выбор которых регулируется лишь соображениями удобства, целесообразности, принципом «экономии мышления» и т. п.

Гражданская активность направлена на привлечение максимально возможного внимания общественности, средств массовой информации, властных структур к различного рода общественным проблемам. Среди них, в частности, выделяются женские, молодежные, ветеранские, профсоюзные проблемы; а также вопросы, связанные с развитием местного самоуправления, образования, культуры, медицины, с состоянием экологии, экономики и т. п.

Процесс формирования гражданской активности может протекать стихийно, независимо от деятельности тех или иных социальных институтов, путем дискуссий, обмена

мнениями, сопоставления различных точек зрения. Однако чаще всего гражданская активность является результатом определенных действий государственных учреждений, политических организаций, масс-медиа. Формами коллективной самоорганизации граждан являются:

- общественные комитеты, союзы, движения;
- инициативные группы гражданского давления, экспертные общественные комиссии, советы и прочее.

Диапазон их действий достаточно широк – от сбора подписей, подачи петиций до уличных манифестаций и актов гражданского неповиновения. Во многих случаях подобного рода акции связаны с проявлением массовых эмоций. Они находят свое выражение в пикетировании, митингах протестов, распространении печатной продукции (листовок, газет), иных формах. Такого рода гражданская активность предполагает давление на местные, региональные, федеральные органы власти с целью выработки и принятия соответствующих решений.

Трудно представить развитие и функционирование гражданского общества без поддержки государства. Ограничение сфер влияния государства должно способствовать расширению прав социальной деятельности институтов гражданского общества как независимых источников инициатив. Они служат противовесом системе государственной власти и активизируют творческий потенциал людей. Гражданское общество провозглашает человека главной ценностью и создает для него с помощью государства достойные условия жизни и труда.

Гражданское общество необходимо рассматривать как альтернативу существующему политическому устройству [36]. Эта альтернатива проявляется, видимо, в том, что общность «свободных» индивидов, нуждающихся в государстве, все же пытается поставить его под свой контроль. Возможно, такое мнение связано с тем, что человек может оказаться объектом манипуляции государства. Такие формы правления, как тоталитаризм, способствуют поглощению гражданского общества государством.

Гражданское общество в России имеет ярко выраженную коллективистскую окраску, в отличие от западной мо-

дели, где личность рассматривается в качестве автономной, зависящей только от себя самой. Здесь следует отметить, что Российское государство – это складывающийся веками единый социальный организм. Гегель, безусловно, прав, говоря, что «государственный строй не есть нечто созданное: оно представляет собой работу многих веков» [36].

«Гражданское общество» на пространстве бывшего СССР появилось как идеологическая конструкция, где шла речь о создании нового морального и общественного порядка. Идея гражданского общества во многих странах после смены политических идеалов трактовалась как сфера спонтанной и независимой от государства активности отдельных индивидов, ведущей к возникновению новых отношений и соглашений между ними, а также новых форм общественной жизни. Гегель, отмечая различие и тесную взаимосвязь между гражданским обществом и государством, рассматривал первое как место, где человек своим трудом извлекает для себя пользу, но такую возможность ему открывает государство. В качестве примера можно привести следующий: польза – Интернет, а возможность пользоваться его плодами должно предоставить государство. Для гражданского общества важна независимость граждан, их возможность самостоятельно существовать, реализовывать частные интересы и потребности. Чему активно способствует наступившая эпоха глобальной сети электронной связи.

Необходимо оценивать новые условия развития общества под влиянием интерактивных виртуальных технологий. Сегодня интернет становится условием развития гражданского общества.

Во всем мире наблюдается развитие взаимосвязей, информационного обмена между гражданами, превращение их сообщества в то, что в англоязычном мире называется «сетью», где каждый член общества не разобщен с другими, а тесно включен в реальные или потенциальные информационные и научные взаимосвязи. С развитием средств массовой коммуникации многократно возросла возможность воздействия на массовое сознание. Эта возможность может широко использоваться в целях развития и совершенствования гражданского общества.

К сожалению, в обществе, где поиск средств существования является главной жизненной целью большинства граждан, новейшие технологические достижения не могут стать в ближайшее время одними из основных средств общения, получения научного знания, решения социальных проблем. По этой причине они не могут быть тесно вовлечены в орбиту реальных или потенциальных информационных и научных взаимосвязей. Являясь мощным средством воздействия на сознание и практическую деятельность людей, Интернет в России, так же как и в бывших советских республиках, может, но пока еще не является тем катализатором, который необходим для социального развития гражданского общества.

В последние годы проявляется все возрастающий интерес фискальных органов государства к сети и к тому, что там делают подвластные ему граждане, что навеивает грустные воспоминания о недалеком прошлом нашего государства. Главный путь для преодоления возникших трудностей – разумная социально-экономическая политика государства, приверженность демократическому пути развития и создание условий для населения с целью его приобщения к новым информационным достижениям.

Компьютерные технологии прошли три стадии:

– *первая* стадия – это потребление информации. Мы можем подключиться к разным базам данных и черпать из них нужную информацию;

– *вторая* стадия, на которой мы фактически сейчас находимся, – это информационное взаимодействие;

– *третья* стадия, которая порождает качество, возможность коммуникации, на которую мы пытаемся переходить, – это стадия совместного действия. Это возможность уникального разветвленного взаимодействия.

Однако интернет, по оценке ученых, не является однозначно прогрессивным явлением. Помимо субъективных негативных последствий, информационная сеть несет обществу потенциальные угрозы, являющиеся обратной стороной ее преимуществ. Речь идет о возможностях политических манипуляций, угрозе информационной войны в условиях отсутствия четко сформулированной информаци-

онной политики государства и недостаточной разработанности вопросов государственного правового регулирования использования Интернета в системе взаимоотношений государства и формирующегося гражданского общества.

Перспективы использования интернет-технологий в системе взаимодействия государства и формирующегося гражданского общества рассмотрены в пока немногочисленных работах ученых: Г. Т. Артамонова, С. А. Бастриковой, В. И. Василенко, Т. В. Закупень, А. В. Петрова, В. И. Маркоменко, Ю. А. Нисневич, В. Н. Семерикова и др.

Гражданская активность основана на принципах полной добровольности и свободы участия. И инициаторы, и члены гражданских акций действуют, как правило, по собственному желанию, не по принуждению. Вместе с тем данную проблему не следует рассматривать вне контекста гражданской ответственности людей перед законом той страны, в которой они живут. Государство при этом должно:

- содействовать развитию демократических институтов, гуманистических принципов и идей;
- строго обеспечивать соблюдение прав и свобод человека; поощрять различные формы участия населения в государственной и общественной деятельности;
- уважать начала самоуправления;
- гарантировать свободу печати и гласность, судебную защиту и др.

Гражданская активность, по нашему мнению, неразрывно связана с *гражданским долгом*. Это значит, что любой гражданин должен честно исполнять свои обязанности, испытывать чувство нравственной ответственности за свою деятельность перед окружающими людьми и обществом, знать о последствиях неправомерного поведения.

Гражданская активность выражается в *гражданственности* личности. Понятие «гражданственность» соединяет в себе черты всеобщей (общечеловеческой) и особенной (национальной) родовой культуры. Гражданственность – это, прежде всего, органический сплав «высших» (а не просто общеизвестных или индивидуально-личностных) родовых свойств человека, взятых в их идеальном воплощении и реальном бытии. Гражданственность – как особая форма

чувств, морали и сознания формируется у каждого человека в процессе социализации личности и накопления жизненного опыта. Непременными условиями развития гражданского общества выступают достаток и досуг граждан, дающие им чувство собственного достоинства и возможность свободного общения. Гражданственность есть мера социально-развитого человека, его способности жить не только в семье и собственном доме, но вместе с другими и ради других [39].

Углубление конфронтации с представителями властных структур усиливает политический характер гражданской активности, может привести к политическому кризису на локальном, региональном и национальном уровнях. Данное обстоятельство обуславливает необходимость оперативного анализа и учета общественного мнения в процессе принятия политических решений.

В недемократических обществах, где права человека существенно ограничены или подавляются, положение гражданина в значительной степени осложняется, его общественная активность сдерживается. Такое положение особенно характерно для тоталитарных режимов, где безраздельно господствует единая идеология, установлена монополия государства на деятельность СМИ, осуществляется грубое вмешательство в частную жизнь человека, не допускается свобода экономической деятельности индивида. В условиях демократии конституционный и реальный статус гражданина позволяет ему активно участвовать в общественной жизни.

Гражданская активность противостоит формальной (декларированной) активности, характерной для тех типов обществ, в которых господствует авторитарный или тоталитарный режим. Ее критерием является не внешняя лояльность режиму, как это имеет место в авторитарно-бюрократических системах, а сознательное, заинтересованное и рационально-критическое отношение субъектов (индивидов, групп) к делам общества и государства, стремление оказывать влияние на выработку и реализацию решений, затрагивающих как и их собственные (особенное), так и общественные интересы.

В цивилизованном обществе гражданская активность личности не выходит за рамки, установленные законом (если последний не противоречит основополагающим правам граждан) и другими способами общественной регламентации (нравственными нормами, правилами, соглашениями). При этом наблюдается следующая тенденция: чем более развито общество в экономическом, политическом и культурном отношении, тем шире и разнообразнее гражданская активность его членов.

Что касается гражданской активности в рамках правового пространства, то следует отметить его недоформированность. Целые области социальной жизни, нуждающиеся в правовом оформлении, не охвачены или недостаточно охвачены действующим законодательством. Многие нормативные акты, издаваемые ведомствами, а именно те, которые касаются прав граждан, не публикуются и остаются закрытыми для общения.

Воздействие гражданской активности на общественные отношения происходит иначе, чем это характерно для регулятивного воздействия права. Гражданская активность обеспечивает нормативное воздействие, преобразуя при этом энергию гражданственности в энергию поведенческих актов людей. Тем самым она способствует достижению целей и задач общественного регулирования.

Гражданская активность проявляется во всех сферах жизни современного общества. В экономической области она реализуется в форме защиты и поддержания права собственности и свободы предпринимательства, в разрешении трудовых споров, в заключении взаимовыгодных сделок и развитии партнерских отношений, в ограничении государственной монополии на производство и распределение товаров. В политической сфере она выступает в форме участия членов гражданского общества в государственном управлении посредством механизмов непосредственной и представительной демократии (выборов, референдумов и т. д.), в деятельности добровольных общественно-политических объединений и ассоциаций, в развитии местного самоуправления. В духовно-идеологической области гражданская активность осуществляется в альтернативных

формах образовательной, научной, религиозной и художественной деятельности. В сфере социального воспроизводства она представлена в форме разнообразных организаций и движений, выступающих за здоровый образ жизни, охрану природы и окружающей среды, права материнства и детства, развитие семьи, поддержку пожилых людей, сохранение этнических меньшинств. В результате гражданскую активность можно классифицировать по субъектному составу, в зависимости от носителя активности, по сфере деятельности, интересам и т. д. [51].

В каждой сфере общественной жизни личность вырабатывает и реализует ту или иную стратегию гражданского участия. В научной литературе какой-либо общепринятой типологии форм гражданской активности не существует. Однако чаще всего выделяют такие институциональные типы или формы, как, например, *гражданские акции* (форма высказывания своего мнения, затрагивающая функционирование основных государственных институтов), *гражданские инициативы* (форма коллективного волеизъявления граждан, посредством которой мнение определенной их группы доводится до компетентного государственного органа или органа местного самоуправления и требует его реагирования) и *гражданские движения* (формирования граждан на основе их свободного и сознательного волеизъявления и общности интересов, их разновидностями являются общественные организации и общественные объединения).

Объединяющей силой многих, прежде всего *неформальных*, организаций, становится не противопоставление граждан стремящейся к бесконтрольности государственной власти, а противопоставление одной части граждан другой по этническим и классовым признакам. В результате на уровне гражданского общества не только не усиливаются тенденции к консолидации нации, но, напротив, увеличивается ее фрагментированность, углубляются пропасти взаимного непонимания и недоверия, получает постоянную подпитку конфронтационная политика. Те формы автономной гражданской активности, которые наблюдаются в сегодняшней России, слишком часто отражают неспособность разных групп общества к компромиссному улажива-

нию интересов и нежелание руководствоваться целями общественного согласия.

Конечно, можно говорить о том, что некоторые из возникающих в последние годы низовых, независимых групп и организаций граждан не являются составной частью гражданского общества, поскольку их действия не соответствуют гражданским критериям. Но такой подход мало что дает для понимания реального процесса. Он лишь подтверждает вполне банальную истину о том, что демократически ориентированное гражданское общество может оказывать не только позитивное, но и деструктивное влияние на судьбы политической демократии. Об этом говорит не только опыт стран мусульманского Востока, где присутствуют достаточно зрелые элементы гражданского общества, сплачиваемые агрессивной идеологией мусульманского фундаментализма. На это же указывает и опыт такой европейской страны, как Германия, где в период Веймарской республики разветвленная сеть гражданской ассоциированности способствовала краху демократического режима и приходу к власти гитлеровского фашизма.

С учетом сказанного выше можно поставить вопрос: является ли развитая система независимой гражданской ассоциированности безусловным благом? Очень многое зависит от особенностей личности, являющейся первичным элементом конструирования гражданского общества. Существование свободного и независимого индивида представляет собой, как известно, необходимую предпосылку развития демократии. Но это лишь необходимое, но не достаточное условие. Процессы, идущие сегодня в России, свидетельствуют, что далеко не каждая независимая личность руководствуется идеалами демократии и испытывает приверженность к ее ценностям. По нашему мнению, часто новые пути государственного и общественного развития приводят к результатам, которые не соответствуют ожиданиям и противоречат начальному направлению развития страны. Следовательно, результат необязательно связан с входным «сигналом». Система воспринимает и усиливает что-то незначимое с нашей точки зрения и игнорирует то, что мы

считаем «новым введением» (реформа), проявляет внутреннюю детерминацию, следуя собственным законам.

Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несет на себе отпечаток правового нигилизма и, как справедливо отмечал в свое время Н. Бердяев, пронизано тягой к анархии. В этих условиях активность (особенно неформальная) самодеятельных граждан в общественном развитии современной России зачастую оборачивается злоупотреблением автономией, нарушением баланса общественно-государственных и частных интересов и усилением конфронтационных тенденций.

Как считает российский исследователь К. Холодковский, современное российское общество «в результате двойной деструкции – разрушения тоталитаризмом традиционных структур и разрушения или ослабления тоталитарных структур в постсоветский период, приобрело аморфный и в то же время недостаточно пластичный характер. Оно состоит в основном из атомизированных социально инертных индивидов, где агрегированные, общие для больших групп населения социальные интересы мало осознаны и недостаточно оформлены. Общество засорено обломками прежних структур, и это так же затрудняет формирование подлинной, независимой социальности, необходимой основы гражданского общества» [57].

Для российского социума также характерны: «низкий уровень взаимного доверия, взаимное безразличие и ограниченность реципрокного (т. е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским кругом», а чувства долга – масштабами семьи, родственников и ближайших друзей» [55].

Глубокая социальная разобщенность в российском социуме не может, по мнению российского исследователя Г. Дилигенского, не способствовать развитию индивидуалистических тенденций в психологии и поведении постсоветского человека.

В современной России отсутствует общественное согласие по поводу функций и обязанностей государства. С одной стороны, государство пытается выполнить круг обязан-

ностей, масштаб которых несоразмерен его возможностям. С другой – государство не способно выполнять часть своих неоспоримых обязанностей, в результате эффективность государственного управления остается невысокой.

В общественном сознании и менталитете представителей государственной власти продолжают доминировать искаженные представления о взаимных обязанностях и взаимоотношениях общества и государства.

Правовое государство призвано максимально удовлетворять интересы и потребности своих граждан. Эти интересы столь многочисленны и разнообразны, что практически государство не может иметь информацию обо всех этих интересах. Поэтому возникает необходимость информировать государство о конкретных интересах граждан, удовлетворить которые можно лишь силами и средствами самого государства. Это эффективно лишь при действии через организации существующего гражданского общества.

Для существования гражданского общества мало просто ходить на выборы и исправно платить налоги, важно иметь практическое подтверждение прямой связи между этими основными гражданскими действиями и реальной ситуацией в обществе. Если от результатов выборов ничего не зависит (ни состав правительства, ни характер проводимой им политики), а налоги тратятся без согласия налогоплательщиков, гражданское общество существовать не может. И никакая частная инициатива не заменит главной гражданской добродетели: быть не только в курсе происходящего в государстве и обществе, но и принимать в их судьбе посильное участие.

Одной из особенностей отечественной истории было сдержанное развитие гражданского общества как с точки зрения его активности, так и с точки зрения его социальных ожиданий и форм самоорганизации. Еще Александр I говорил: «Я готов дать народу конституцию, но не вижу народа» [Цит. по: 53]. Как всякий живой организм, гражданское общество обладает способностью к реагированию на все внешние раздражители; подобно улитке, оно то втягивается вовнутрь под ударами властей, то выходит наружу, настойчиво требуя перемен.

В современной литературе часто возникает вопрос: гражданское общество – это все население страны, весь народ или избранные индивиды со свойствами гражданственности? По сути дела все граждане России формируют активное духовно-нравственное поле гражданского общества.

Существует мнение, что основу гражданского общества образует средний класс, а в России он еще не сложился. Возможно, это и так, но что такое «средний класс»? Проблеме определения понятия «среднего класса» и оснований классового разделения в настоящее время уделяется серьезное внимание со стороны ученых современности. Экономическая обусловленность классового деления – одна из важнейших содержательных характеристик понятия классов, но далеко не единственная. Если брать во внимание не все, а только одно основание классового разделения, то нетрудно понять, что это приводит к узкому подходу представлений современности.

Формы автономной гражданской активности, которые наблюдаются в современной России, слишком часто отражают неспособность разных групп общества к компромиссному улаживанию интересов и нежелание руководствоваться целями общественного согласия. В силу многообразия и подвижности человеческих интересов, и, соответственно, способности людей объединяться по самым разным поводам, гражданское общество не представляет собой какой-либо четко очерченной, законченной конструкции.

В каждой сфере общественной жизни личность вырабатывает и реализует ту или иную стратегию гражданского участия. Наряду с этим степень гражданской активности в данном социуме определяет и степень развитости здесь собственно гражданского общества и его основных институтов.

3.2. Гражданские движения и инициативы

Следует отметить, что *гражданские движения и инициативы* еще не получили необходимого внимания исследователей и, в том числе, не стали предметом всестороннего социально-философского анализа. Вместе с тем является важной задача изучения гражданских движений и инициатив. Эта необходимость обусловлена стремительными экономическими и культурными переменами последних двух десятилетий в жизни России, которые повлекли за собой изменения в содержании всех социальных сфер общества.

Как уже упоминалось, нет четкой типологии форм активности граждан, но выделение гражданских движений и инициатив обусловлено как общемировой практикой, так и российской действительностью. Сущностной чертой гражданских движений выступает их противостояние формальным бюрократическим организациям, прежде всего государственным. Поэтому гражданские движения являются современной формой самоорганизации гражданского общества, нацеленной на изменение условий существования больших социальных групп при помощи изменения формальных процедур принятия государственных решений. В данном случае следует отличать социальное движение от, казалось бы, однородного гражданского движения.

Исследование социальных движений осуществляется обычно в рамках раздела социологии, связанного с изучением социальных изменений в целом. В эту группу проблем включается также анализ революционной деятельности, восстаний и переворотов. Можно указать на важный элемент, выделяющий социальные движения из числа однородных общественных явлений, – их *массовость*.

Проблематика гражданских движений входит в систему традиционного социологического знания, однако с течением времени меняются теоретические подходы к изучению этого явления. Так, по мнению Е. А. Здравомысловой, в конце 1960-х гг. доминировала парадигма коллективного поведения, позже замененная парадигмой коллективного действия, или мобилизации ресурсов. Здесь нет необходимости пересказывать содержание теоретических воззрений

и концепций отдельных авторов, подробно изложенных в работе указанного автора. Однако есть необходимость добавить, что в последнее время наиболее интенсивно развиваются исследования так называемого некоммерческого, или третьего, сектора, в которых гражданские движения рассматриваются на одном уровне обобщения вместе с государством и частным предпринимательством. Это значит, общественная роль движений подобного рода существенно возрастает [См.: 31].

Существенной характеристикой гражданских движений выступает также их цель, базирующаяся на определенной системе ценностей. Эта новая ценностная система может войти в законодательную практику государства, и в этом случае гражданские движения могут превращаться в формальные организации. Такими формальными организациями зачастую выступают политические партии, консультативные группы при государственных органах, исследовательские центры и фонды, научные учреждения. Формализация деятельности гражданских движений означает, как правило, что они достигли своей цели, т. е. внедрили в процедуру принятия государственных решений разработанную ими систему ценностей. Выделение гражданских движений из всей совокупности остального активизма происходит, таким образом, по критериям противостояния формальным бюрократическим организациям и наличных процедур принятия государственных решений, массовости, существования собственной системы ценностей и целей, отражающих интересы социальных групп. В этом контексте по всем перечисленным параметрам гражданские движения явно контрастируют с группами интересов, созданными для оказания давления на политиков.

Также одной из наиболее распространенных форм активности и относительной самостоятельности гражданского общества выступают его *гражданские инициативы*. Это – способ существования и развития субъектов общественной жизни, основанный на стремлении к изменению социальных условий и формированию собственных качеств (способностей, установок, ценностных ориентаций).

Предпосылкой сознательной гражданской инициативы выступает осознанный выбор носителя возможностей своего участия в общественной жизни. Каждый носитель инициативы вначале определяет характер своего участия в общественной жизни, меру (степень) интенсивности своей деятельности, а уже затем занимает ту или иную социальную позицию. Выбор носителя гражданской инициативы обусловлен причинами как объективного, так и субъективного характера, причем иногда он вынужден вести себя активно только ради того, чтобы сохранить равновесие с окружающей средой.

Для гражданских инициатив также характерно деятельное познавательное и практическое отношение индивида, группы, организации и т. д. к условиям жизнедеятельности, делам общества, проявляющееся как в форме общественно полезной, созидательной и творческой деятельности, так и в форме антиобщественной деятельности, отклоняющегося (девиантного) поведения. Гражданские инициативы характеризуются высокой степенью интенсивности осуществления, динамичностью и способностью производить изменения (преобразования). В таком случае гражданскую инициативу можно определить как форму активности в контексте гражданского общества, построенную на договорной основе, вырабатывающую и реализующую ту или иную стратегию гражданского участия в различных сферах общественной жизни. Понятие *стратегия гражданского участия* относится к сознательным проявлениям как физического, так и юридического лица, выступающего в качестве субъекта (носителя) активности, поведения и деятельности.

Стратегии гражданского участия не являются единственным способом отражения специфического образа воли людей к жизни, их стремления к самоорганизации жизни своей и своего потомства. Наряду с ними в развитии гражданина «принимают участие» следующие способы:

- *ведения жизни* (форма, уклад и стиль жизни);
- *определения гражданских ситуаций* (гражданская позиция и линия);
- *описания жизни* (жизненная история, биография);

– *символического конструирования жизни* (жизненные планы и сценарии).

Гражданские стратегии выступают объектом целого комплекса наук о человеке и обществе – социальной философии, социологии, психологии и культурной антропологии. Каждая из них изучает свой аспект (сторону) жизненного мира людей. Психология рассматривает душевную сторону людей, а также преимущественно личностный, субъективно-значимый аспект и уровень организации социального. Культурная антропология делает предметом своего исследования культурный аспект социального измерения гражданских стратегий, а также взаимоотношения личностного и культурного аспектов (исследовательское направление «культура и личность»). Социология выделяет в качестве предмета своего изучения институциональный аспект (институциональные связи и закономерности) формирования и развития этих стратегий.

Приведем определение гражданских стратегий, наиболее полно выражающее их социально-философскую специфику. Гражданская стратегия – динамическая система перспективного ориентирования носителя активности, направленная на сознательное изменение своей будущей жизни в данном социокультурном контексте. Эта система направляет и регулирует ее поведение в течение длительного времени.

В качестве одной из важных характеристик гражданской инициативы выступает *субъективность*, наличие которой свидетельствует об изменении всего образа жизни носителя инициативы, а не его отдельных сторон.

В данном случае следует понимать под субъективностью – устойчивую способность носителя, направленную на изменение и преобразование общественных условий жизни в соответствии с его убеждениями, взглядами и совестью. С точки зрения общественной значимости субъективность носителя может быть как позитивной, конструктивной, адекватной общественным нормам и идеалам, так и негативной, деструктивной, ориентированной на подрыв существующих в обществе устоев, традиций и правил общежития. Однако критерий правильности (истинности) субъективности лежит не только в общественном признании и

одобрении, порождающем иногда настроение конформизма и апатии. Гораздо более важным для понимания субъективности является требование соблюдения автономии, автономных прав и гражданских свобод личности. Субъективность становится в гражданском обществе неотъемлемым элементом жизнедеятельности автономных субъектов. Она выражает их способность к расширению и укреплению своего жизненного пространства, рассматриваемого в контексте самореализации и свободного творчества.

Следует добавить, что возникновение гражданских движений и проявление инициатив обычно имеют место на основе экономических и культурных изменений, которые могут представлять в некоторые периоды значительную силу, изменяющую общество. Иными словами, бурное развитие гражданских движений – это верный признак переходного состояния общества, так как в эти исторические периоды нарастает ощущение беспокойства, неудовлетворенности каких-либо потребностей среди широких групп населения, в результате чего инициируется смысловое переопределение социальной реальности, в ходе которого носители новых смысловых комплексов и формируют социальные движения и инициативы. Наиболее отчетливо выражена, на наш взгляд, эта зависимость в работах Ш. Эйзенштадта, который при рассмотрении логики и характера социальных трансформаций осуществляет теоретическую конвергенцию символических и институциональных характеристик социальной организации. В качестве одного из основных концептуальных узлов этого синтеза социолог использует идею о дифференциации «центра» и «периферии», где «центр» представляет собой некую центральную зону, конденсат символов, ценностей и верований данного общества, обладающий решающим значением в определении его структурных характеристик, содержания и типов социальных взаимодействий, и общих мировоззренческих ориентаций. Эйзенштадт, в соответствии с положениями структурализма, использует в своих рассуждениях категорию «символических кодов» – наборов определяющих представлений, воздействующих на критерии основных норм социального взаимодействия и формирующих макро-

социальный порядок. Наиболее важным следствием формирования «центров» является институционализация символов общества, наиболее соответствующих задаче систематизации стремлений к социокультурному порядку и участию в нем. Рассматриваются когнитивный, оценочный и аффективный аспекты символизирования, сфокусированного, в периоды трансформаций, на амбивалентностях, присущих конкретизации моделей социокультурного порядка, и на дилеммах человеческого существования и социальной жизни. «Символические коды» рассматриваются Эйзенштадтом как составляющие «скрытой структуры» социальной системы, определяющие ее границы и организационные потребности общества, обеспечивающие осуществление основных функций, постоянство границ и возможные направления изменений (различные общества, согласно социологу, формируют различные способы изменений). Именно институционализация основополагающих норм социального взаимодействия не только обеспечивает, по мнению израильского ученого, поддержание динамического равновесия системы, но и создает возможность возникновения напряженности, конфликтов и противоречий, ведущих к изменениям. Импульсы к социальному изменению возникают, согласно исследователю, с ростом структурной дифференциации общества, и определены такими изменениями в символической сфере, как:

1) отделение господствующих символов от их первоначальных значений;

2) формирование независимых символических систем (например, религиозных или философских) и их дифференциация в соответствии с символическим содержанием и методами концептуализации задач и решений;

3) нарастающее сомнение в исходных предпосылках существующих (официально) постановки и решения задач;

4) растущая символическая и институциональная, а не только пространственная, дифференциация между центром (или центрами) и периферией.

Не случайно в этой связи, что начало становления гражданских движений в России приходится на конец 80-х гг., когда и начали оформляться основные «темы про-

теста» в нашем обществе. В период перестройки политические реформы создали возможности для появления инициативных форм политического участия в виде организаций и коллективных действий, которые стали называться неформальными, или гражданскими, движениями. Сам факт конфликта с властными структурами гражданских движений способствовал обсуждению проблематики в общественной и профессиональной дискуссии. Публичный и профессиональный интерес развивается параллельно с появлением и развитием гражданских движений.

Описание и первичный анализ гражданских движений и инициатив становятся, прежде всего, частью публичного официального и неформального обсуждения (в официальных СМИ, в «самиздате» и полуправильной прессе). Термин «неформалы» стал первым недифференцированным обозначением гражданских движений в СМИ. Он подразумевал три аспекта – инициативные организации, организованные ими коллективные действия и их участников. Этот термин выступал в бинарной оппозиции с термином «командно-административная система». Борьба неформалов с командно-административной системой была главной темой обсуждения. В новой области исследований нет устоявшихся авторитетов и традиций, с которыми необходимо считаться. В такой ситуации здесь граница между журналистикой, политическим анализом и профессиональными социально-философскими работами особенно размыта. Поэтому начальный этап исследования с неизбежностью характеризуется слабостью теоретических разработок. По нашему мнению, важно отметить, что с проведением экономических реформ существенно снижается научный интерес к проблемам развития гражданских движений и инициатив, что и происходит в 1992 г. в России. А с 1993 г. происходит спад интереса к тематике вообще, уменьшается число публикаций, имеет место ослабление коммуникации между исследователями. При этом появляются ретроспективные аналитические работы, подводятся итоги выполненным исследовательским проектам.

Первоначальным термином – «неформалы», подчеркивалось отличие от институциональных структур совет-

ского общества (инициативный, нерегламентированный, не заданный сверху характер). Позднее термин «неформалы» уходит из научных дискуссий. Гражданские движения определяются как *инициативная коллективная деятельность, направленная на преобразование социальной действительности, имеющая конфликтный характер и определенную степень стабильности* [48]. В качестве основных характеристик исследователи называют:

- коллективный характер;
- преобразовательную активность;
- общность интересов;
- наличие организации;
- мобилизационную активность;
- конфликтный характер.

Выделяются *три компонента* гражданских движений:

- протестные действия;
- коллективная идентичность;
- организация.

Особенно подчеркивается «субъектность» движений, т. е. их деятельностное и коллективное начало.

Постепенно входят в оборот такие понятия, как *коллективное действие, протест, мобилизация, ресурсы, репертуар протеста, структура политических возможностей, цена участия* и пр. Им дается определение, они операционализируются. Так формируется язык описания, общий для исследований в этой области.

С конца 80-х гг. идет освоение западных теорий общественных движений, растет число обзорных публикаций. В 90-е гг. появились первые попытки применения западных подходов: теории депривации – для анализа женского движения; теории протеста и теории мобилизации ресурсов – для исследования различных движений; теории структуры политических возможностей – для анализа цикла протеста, женского и экологического движений; теории новых общественных движений – в анализе гражданского и экологического движений; теории запаздывающей модернизации – для анализа гражданского движения [48].

В целом исследователями делается вывод о том, что главной структурно-образующей целью движения являлось

уничтожение тоталитарной системы. Выполнив свою задачу, оно начинает переживать множественные организационные, идеологические и ресурсные кризисы.

В трудах ряда отечественных и зарубежных философов (А. Ю. Резник, Е. Руткевич, Л. С. Санистебан) уделяется особое внимание *протесту* как форме гражданской активности. Исследователи отмечают связь разных форм политического протеста с развитием партий, движений, неправительственных общественных организаций (т. е. атрибутов гражданского общества). Незрелость последних – это та характеристика политической культуры, которая препятствует развитию политической активности вообще и политического протеста в частности.

Для изучения протеста как формы гражданской активности необходимо исследование акций и контингента, участвующих в таких акциях. Протест при этом можно определить как социальное поведение субъектов, представляющих интересы организаций, социальных групп или общества в целом, направленное против государственных институтов или других социальных субъектов. К примеру, рабочие движения используют форму протеста для достижения экономических и политических целей, где рабочее движение можно определить как выражающее интересы всех наемных работников, противостоящие интересам ведомственного и хозяйственно-политического аппарата.

Если при изучении организаций акцентировать внимание на причинах их возникновения, динамике их взаимодействия (между собой, с властью, другими движениями) на локальном, региональном и национальном уровнях, то можно выделить два направления «организационного строительства» в рамках рабочих движений: *создание новых структур* (рабочих клубов, объединений и ассоциаций, профсоюзов, рабочих и забастовочных комитетов) и *преобразование старых профсоюзов*.

В ряде философских работ уделяется особое внимание *забастовкам*. Эти исследования служат не только осмыслению новой реальности, но и обосновывают необходимость законодательства, регулирующего гражданскую активность. Для объяснения возникновения рабочего движе-

ния ряд исследователей использует «конфликтную модель» (Л. С. Мамут, А. И. Стронин, А. Ю. Сунгуров и др.), согласно которой причиной и формой выражения рабочих движений является развивающийся производственный конфликт, начинающийся с борьбы за оплату труда и неизбежно выливающийся в борьбу за изменение экономических отношений и в политическую борьбу с государством. По мнению Е. А. Здравомысловой, забастовка является формой коллективного действия. Забастовки рассматриваются как специфическая для рабочих движений форма протеста, форма проявления производственного конфликта. По нашему мнению, особенностью забастовок в современной России является не требование улучшений условий труда и повышения заработной платы, а требование выплаты самой зарплаты.

На наш взгляд, для анализа причин возникновения национальных движений также применима конфликтная модель. Растущие социальные ожидания элит сопровождались конфликтогенными демографическими факторами (развитием этнического состава населения в пользу титульной национальности). Данная тематика наиболее исследована, используются обширные программы (международные проекты, в том числе по этническим конфликтам и напряженности, в рамках которых разрабатываются концепции движений и осуществляется их мониторинг в различных регионах постсоветского пространства – странах Балтии, Армении, Молдове, Украине, Башкортостане, Республике Саха, Калмыкии, Туве, России и др.). Развитие национальных движений во многих регионах России обусловлено изменением этнического состава за счет вынужденных переселенцев, к примеру, на территории Красноярского края по состоянию на декабрь 2006 г. проживают представители более 123 этносов. В крае имеются различные формы национально-культурной самоорганизации выходцев Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии: общества, национально-культурные автономии, центры. Все эти исследования имеют немаловажную научную ценность и потенциал использования для выработки рекомендаций властным

структурам в национальной политике и урегулировании межэтнических конфликтов.

Среди гражданских движений можно выделить *экологическое* движение как тип социальной организации гражданского общества. Само понятие охватывает целый ряд событий, действий и процессов, в которых данное движение развивается. В отличие от других, экологические движения возникают уже в период хрущевской «оттепели», что объясняется, в частности, их меньшей политизированностью. Различие между экологическим движением 60–70-х гг. и движением 80–90-х в том, что ранее они выполняли заказы органов государственной власти, тогда как позже «зеленые» стали ее оппонентами.

Перспектива изучения гражданских движений в рамках теории гражданского общества появилась с самого начала формирования данного направления. Гражданские движения следует рассматривать как необходимый элемент гражданского общества, как возможный субъект (действующую силу) социальных преобразований. Согласно мнению Е. Здравомысловой, пик интереса к гражданским движениям прошел вместе с окончанием политического цикла перестройки, при спаде активности и институционализации большинства общественных движений [Цит. по: 34]. Возможно, это и так, но, по нашему мнению, необходимость в гражданских движениях есть и она возрастает, и для этого нет препятствий, таких как в советском обществе.

Исследованию гражданских движений и инициатив еще далеко до статуса самостоятельного направления отечественной философской науки. Однако и в начальный период это исследовательское направление является междисциплинарным. В обсуждение гражданских движений и инициатив включаются разные философские дисциплины (социальная философия, философия политики и права) и разные социальные науки (история, психология, культурология). Тем не менее можно предполагать, что устойчивый интерес хотя бы небольшой группы исследователей и устойчивое существование самих движений будут способствовать постепенному развитию этого направления отечественной философии.

В настоящее время изучением общественных движений в России занимаются исследовательские структуры разного типа, как государственные, так и независимые. Вместе с тем в университетах, на философских факультетах, тема общественных движений не получила до настоящего времени широкого распространения.

Анализ гражданских движений, произведенный американским и французским мыслителями Н. Смелзером и А. Туреном, вскрывает конфликтный потенциал этой формы гражданской активности. Хотя взгляды этих двух авторов на гражданские движения трактуются как противоположные, они восходят, по нашему мнению, к представлению о социальных полях, т. е. о некоем социальном континууме, включающем и противостоящие конфликтующие стороны [46].

Если определить точки зрения двух авторов на гражданские движения, то интегрированная формулировка может быть следующей. В современном обществе резко возрастает гражданский активизм, направленный на изменение условий существования. Он развивается в благоприятных обстоятельствах и имеет питательной почвой наличие в обществе конфликтных интересов. Активизация гражданских движений зависит от ряда ускоряющих факторов, но вместе с тем поддается социальному контролю со стороны государственной власти. Включение переговорного процесса зачастую ведет к сближению конфликтных позиций.

Обобщенный подход Н. Смелзера и А. Турена указывает, таким образом, на необходимость и возможность проведения государственной политики по отношению к гражданским движениям с тем расчетом, чтобы адаптировать к практике принятия государственных решений инновационный потенциал гражданских инициатив и вместе с тем избежать деструктивных последствий массовой неконтролируемой гражданской активности.

Ограничение гражданского общества социальной и духовной сферами означало бы, на наш взгляд, лишение его материальной базы существования, в то время как удовлетворение насущных потребностей является основной задачей гражданского общества. Вряд ли было бы последова-

тельным считать, с одной стороны, что конкретные люди гражданского общества определяют экономику, а с другой стороны – исключать экономико-хозяйственную негосударственную деятельность из его сферы. Действительно, экономическая и политическая свобода являются формой проявления свободы индивида в обществе, отсюда следует, что экономика и политика суть функции гражданского общества. Методологическая проблема отношений гражданского общества и государства в истории общественно-политической традиции выражает, прежде всего, как разделение, так и взаимодействие частной и общественной сфер деятельности.

На основании исторической традиции в определении гражданского общества выделяются следующие три фактора:

– *легальность* (гражданское право, гражданское и политическое равенство и права);

– *плюрализм* (автономные, самоорганизующиеся добровольные объединения) и публичность (пространство коммуникаций, участия общественности и связи с ответственностью);

– *артикуляцию политической воли и социальных норм.*

Вместе с тем существует мнение, что степень активности гражданских движений и инициатив зависит не просто от типа общества, а от социальной базы гражданского общества.

В научной литературе можно выделить структурный и личностный подходы к пониманию социальной базы гражданского общества. В рамках структурного подхода делаются попытки выделить те слои в социальной структуре общества, которые могут стать основным фундаментом гражданского общества. Наиболее распространена идея о среднем классе как социальной базе гражданского общества. Такой подход основан на представлении о частной собственности как о ключевом институте гражданского общества, что предполагает наличие «многочисленного класса собственников».

Исследования, проведенные западными философами, выявляют положительную связь между местом индивида в иерархии социальной структуры общества и уровнем его гражданской активности. Однако, на наш взгляд, нельзя с

абсолютной уверенностью (а особенно в отношении нашей страны) утверждать, что принадлежность к среднему классу автоматически означает высокую гражданскую активность – это во-первых. Во-вторых, гражданское общество в России приобретает скорее некую протестную форму, поэтому можно предположить, что в формировании гражданских движений и инициатив важную роль могут сыграть представители низших классов как наиболее ущемленные в экономическом и социальном плане.

Наконец, наличие частной собственности является необходимым, но недостаточным условием формирования гражданских движений и инициатив. Процессы формирования гражданских движений, инициатив и среднего класса могут быть связаны.

Личностный подход предполагает поиск тех элементов личности, особенностей социального поведения индивидов, которые способствуют формированию гражданских движений и инициатив.

Что касается участия отдельных индивидов, групп, организаций в обществе, то согласно результатам исследований Независимого исследовательского центра РОМИР подавляющее большинство россиян (более 90 %) не состоит ни в каких общественных организациях. Опрос проводился в 11 субъектах Российской Федерации в 1999 г.

В данном случае следует отметить, что установка на заинтересованное гражданское участие – неотъемлемый компонент демократической политической культуры, а участие – важнейший элемент функционирования демократии; именно с его помощью граждане подчиняют себе правительство, делая его ответственным перед народной волей.

Если в ближайшее время вышеуказанные показатели не изменятся, учитывая многонациональный состав населения, то становится ясно, что ни о каком тождестве интересов не может быть и речи. Как известно, развитая система общественных структур позволяет выявить весь комплекс многообразных интересов различных социальных слоев населения и учитывать их при выработке политического курса страны. И чем более развито гражданское общество, тем сложнее его социальная структура.

Возможность разрешить многочисленные противоречия в институционализации и функционировании гражданского общества современной России имеется. Она основана на механизме саморегуляции и самокоррекции. Здесь особое значение обретают гражданские движения и инициативы, но говорить о целостной системе общественных движений еще рано. Часто эта задача во многом остается еще программной.

Количественный бум возникновения и проявления всевозможных гражданских движений и инициатив не всегда отвечает потребностям общественного развития, ибо за количественной стороной данного, безусловно, положительного процесса не видно подчас качественной составляющей. Само по себе участие граждан (даже активное) в деятельности различных общественных структур не влечет автоматически проявления активности и инициативности в постановке и решении вопросов, имеющих общественную или государственную значимость. Надо вести целенаправленную работу по формированию гражданской активности личности. Поэтому воспитательная функция, функция социализации личности – одна из важнейших в деятельности многочисленных гражданских движений.

В гражданском обществе общественным объединениям принадлежит не только функция выявления и выражения личностных интересов, интересов определенных социальных слоев, а также отдельных национальностей (ассоциации, создаваемые по национальному признаку). Существенно должна возрасти ответственность гражданских движений перед своим обществом, общественных организаций (объединений) перед своими членами.

Подводя итог необходимо, подчеркнуть, что гражданская деятельность, направленная на формирование гражданского общества, может иметь успех только в том случае, если она адекватна по своим сущностным признакам типу общества. Этот факт убедительно доказан в трудах представителей русской философской школы – И. Т. Посошкова, Ф. Прокоповича, А. Н. Радищева и в работах наших современников, таких как А. А. Ворошилов, Н. М. Чуринов. Солидаризируясь с основными выводами исследований ука-

занных авторов, подчеркнем, что самобытность и исключительность русской истории определены неповторимым путем становления и развития русского государства, которому часто приходилось решать задачи, значительно отличавшиеся от тех, что стояли перед его западноевропейскими соседями. Все эти причины обуславливают крайнюю проблематичность распространения западной модели плюрализма и свободы в России. В современной России динамично развиваются сообщества неправительственных, неполитических, некоммерческих объединений. Это организации социальной помощи и взаимопомощи, экологи и правозащитники, женские и молодежные движения, научные, культурные и национальные сообщества, исследовательские и просветительские центры, профессиональные и предпринимательские объединения, клубы по интересам и благотворительные институты. В современной России нет совершенной законодательной базы, нет богатого опыта общения власти с гражданскими инициативами, но есть известный задел оформившейся гражданской активности, задача которого состоит в необходимости преодоления рамок исключительно «тем протеста» и роста к состоянию ответственных и рефлексивных участников социального творчества.

Итак, общей характеристикой активности гражданского общества, проявляющейся в гражданских движениях и инициативах, выступает осознанный выбор возможностей участия в общественной жизни и направленность на противостояние формальным бюрократическим организациям, прежде всего государственным.

3.3. Группы интересов

Группы интересов относятся, прежде всего, к политическому измерению общественных отношений, поскольку вне зависимости от направленности и непосредственной сферы их деятельности одной из ключевых их задач является то или иное воздействие на принятие управленческих решений или, проще говоря, на власть. В силу этого мы включаем в категорию групп интересов:

- организованные группы в той или иной сфере деятельности;
- региональные группы (образованные административной и хозяйственной элитой той или иной территории);
- финансово-промышленные группы;
- политические партии;
- профессиональные союзы.

Общей интегративной характеристикой всех указанных групп является признак некоего целеполагания, рефлексивность и ориентация в целедостижении на механизмы воздействия на ответственные структуры и личности.

Таким образом, в продолжающейся по сей день дискуссии о структурном составе групп интересов мы придерживаемся точки зрения, согласно которой и политические партии, и группы давления, и профессиональные союзы являются не более чем подвидами групп интересов, поскольку так или иначе выражают мнение и интересы конкретных локализованных слоев и/или групп населения и определяют стратегии реализации данных интересов. В этом смысле нам близка позиция отечественного исследователя А. Ф. Нагайчука, по словам которого «понимание сущности социальных интересов, их политического содержания в современных условиях связано с осмыслением субъекта – носителя интереса. Интересы в онтологическом смысле объективно заданы, а в гносеологическом – они субъективны, поскольку все зависит от их осмысления, понимания. При этом стоит учитывать и возможность формирования, конструирования интереса и вариантов его интерпретаций. Таким образом, социальные интересы можно обозначить как условия активности социальных акторов в политике, условия действий – реакций институтов власти на социальный запрос. В становлении рыночной экономики и гражданского общества, образующих культурные рамки социального взаимодействия, этот процесс предполагает институционализацию новых многообразных субъектов взаимодействия, усиление разнонаправленности их интересов» [40].

Группы интересов во всей их комплексности выступают одним из основных структурных компонентов гражданского общества, без которого немислимо последнее. Необходи-

димо, однако, прояснить их специфичную роль в развитии и функционировании данного феномена.

Возникновение и функционирование гражданского общества обусловлены, прежде всего, частными интересами собственников, или успешных экономически индивидов. В этом смысле феномен «групп интересов» является одним из наиболее очевидных проявлений такого понимания гражданского общества.

Очевидно, что фактор экономической состоятельности неустраним из рассмотрения институциональных структур гражданского общества вообще и феномена групп интересов – в особенности. Группы интересов получили повышенное внимание в западном обществоведении, прежде всего, в контексте дискуссии между сторонниками теории «правлящей элиты» и апологетами «плюралистической модели». Группы интересов являются ключевой категорией именно второго подхода. Роберт Даль в ходе своего знаменитого исследования в Нью-Хейвене обнаружил, что отдельные индивиды могут играть ключевую роль при принятии различных решений, а городом правит вовсе не конкретная «правлящая элита» [38], а несколько элит. После этого понятие элиты приобрело множественное число – как взаимодействующие группы, столкнувшиеся по поводу определенных интересов, вступающие по их же поводу в своего рода сделки и воздействующие тем или иным образом на лиц, принимающих решения.

Сложившиеся в социальной науке подходы к феномену групп интересов акцентируют внимание на той или иной сфере их действия, в соответствии с которыми осуществляется и классификация групп интересов: таким образом, выделяются организованные группы в следующих сферах:

– в *экономической сфере* и *сфере трудовых отношений* (предпринимательские ассоциации, союзы потребителей, профсоюзы);

– в *социальной* (объединения ветеранов, общества инвалидов, благотворительные союзы);

– *досуга и отдыха* (спортивные союзы, союзы филателистов и т. д.);

– *религии, науки и культуры* (церкви, секты, научные ассоциации, союзы художников, писателей, артистов и т. д.);

– *в политической* (экологические движения, движения за мир, за права женщин, молодежи, национальных меньшинств и т. д.).

Вместе с тем самым общим признаком всех групп интересов выступает то, что сам факт их возникновения и функционирования обусловлен специфическим состоянием общества, характеризующегося сложностью социальной структуры и общественных отношений и обозначаемого обычно термином плюралистической демократии. Усложняющаяся специализация социального организма вызывает к жизни и соответствующие группы интересов, функционирующие в сферах их непосредственной вовлеченности, однако – с последствиями, выходящими за пределы непосредственно тех или иных сфер. Отечественный исследователь А. И. Соловьев выделяет следующие *функции* групп интересов:

– *артикуляция и агрегирование социальных интересов*, в процессе осуществления которых группы интересов доносят до органов власти сведения о состоянии той или иной проблемы в общественной жизни, транслируя во власть общественные настроения и мнения общественности;

– *формирование и рекрутирование политических элит* через выдвижение политических требований и поддержку конкретных деятелей в правительственных и иных структурах.

Группы интересов, по нашему мнению, в первую очередь – порождены усложнившимся обществом, и уже во вторую – продолжают участвовать в процессе его усложнения, а не усложняют его сами по себе. Данная связь является, на наш взгляд, диахронической, а не дихотомической, и возникновение новых групп интересов обусловлено всегда новыми условиями дифференциации общественных отношений, а не наоборот.

Чем более гетерогенным является общество, тем более разнообразны существующие в нем интересы. Усложнение и плюрализация общественных отношений, что является

признаком общества современного типа, ведут к возникновению групп интересов, которые, в свою очередь, содействуют дальнейшей дифференциации данного общества.

Несмотря на всю важность экономического фактора, группы интересов представляют собой все-таки феномен более сложного уровня и могут быть обязаны своим возникновением не только мотивациям материального характера, но и мотивациям ценностного порядка, представлениям о должном и связанными с ними устремлениями. Более того, в современном обществе (в классическом социально-философском понимании Ф. Тённиса, т. е. как *gesellschaft* – общество, основанное на индивидуализме и формальности общественных связей) всё отчетливее формулируется потребность в, так сказать, компенсаторных формах социальности, органические элементы которой оказались утрачены в ходе модернизации. Именно с этим, на наш взгляд, связано возникновение таких форм гражданских ассоциаций, как соседство, *проблемно-тематические объединения и союзы*. Другими словами, группы интересов в гражданском обществе отражают своим составом тот же плюрализм, который свойственен самому этому обществу.

Что же представляют собой группы интересов в сегодняшнем российском обществе и насколько данный феномен отражает развитие гражданского общества в наших условиях? Весь комплекс взглядов, сложившихся на настоящий момент в отечественном обществоведении относительно данной проблематики, характеризуется достаточно консолидированным признанием, во-первых, противоречивости и неоднозначности функционирования феномена групп интересов в сегодняшнем российском обществе и, во-вторых, преимущественным вниманием к той части спектра групп интересов, что действует в контексте экономического пространства общества.

Отечественный исследователь В. Верещагин указывает на то, что «становление экономических “групп интересов” сопровождается формированием структур и институтов, призванных формулировать эти интересы и содействовать их реализации, оказывать давление на правительство и другие ветви власти, на СМИ, научные круги, аккумуляиро-

вать финансовые ресурсы. Другими словами, в “группах интересов” возникают “группы давления”, своеобразные конгломераты финансово-промышленных и торгово-финансовых объединений, аналитических центров, полуполитических структур, разнообразных лоббистских организаций и государственных институтов, являющихся своеобразными посредниками между “группами интересов” и политикой» [40].

Из всего спектра групп интересов, существующих в сегодняшнем российском обществе, повышенным вниманием со стороны исследователей пользуются группы, действующие в экономическом поле. Данное обстоятельство вполне объяснимо, учитывая степень сравнительного влияния групп интересов на основной объект их воздействия – власть. Т. Парсонс говорил о том, что «положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его *престижа* или способностью оказывать *влияние*, которое состоит в способности добиваться от других социальных агентов желаемых решений, и должно действовать через убеждение объекта воздействия в том, что то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны. Оно прежде всего апеллирует к коллективному интересу, но обычно исходит из того, что обе стороны, обеспечивая коллективный интерес и взаимную солидарность, удовлетворяют и свои частные интересы» [34]. Отсюда и проблема – получается, что реальными возможностями воздействия на принятие управленческих решений в сегодняшнем российском обществе обладают те структуры гражданского общества, которые ориентированы, прежде всего, на достижение своих корыстных интересов, и чья деятельность, по сути, также проходит под знаком ориентации на ренту, т. е. не конструктивна в долгосрочной перспективе. В любом случае эти группы обладают достаточным влиянием и, следовательно, *престижны*, если следовать подходу Парсонса¹. Учитывая зафиксированный ис-

¹ Самыми влиятельными группами интересов в сегодняшней России эксперты чаще всего называют: из региональных групп – Московскую, Се-

следователями феномен дихотомии группового престижа и пафоса, мы вправе сделать вывод о том, что остальные группы интересов, действующие вне экономического поля и мотивированные не собственной корыстью, а неким ценностным комплексом более высокого порядка, культивируют групповой пафос и стремятся сохранить свою известную интегрированность. Но кто прислушивается сегодня к мнению союзов писателей, кинематографистов, художников и других творческих объединений? Кого тронет сейчас пафос правозащитной риторики из уст диссидентов? Кем будут услышаны призывы к нравственному совершенствованию и духовному росту со стороны тех или иных церквей? Кого могут мотивировать на серьезные размышления и тем более – действия, декларации профсоюзных организаций? Очевидно, что влияние этих и других более-менее организованных групп интересов на российскую власть любого уровня достаточно ограничено сегодня. Вместе с тем данные группы продолжают позиционировать себя в качестве влиятельных и авторитетных, что, по всей видимости, является проекцией именно пафосного самоощущения их представителей.

Очевидно, что феномен долговременной «выгодной неэффективности» тех или иных структур или процессов укладывается и в категории институциональной теории в части так называемых *институциональных ловушек*. Под институциональной ловушкой понимается неэффективная, но устойчивая норма (институт). При идентификации институциональной ловушки (т. е. неэффективной нормы поведения) ключевым моментом является факт наличия альтернативной, более эффективной нормы. Только при срав-

веро-Западную, Тюменскую и Уральскую; из отраслевых – «Газпром»; «ЛУКОЙЛ», «ЕЭС России»; «Норильский никель»; «Алмазы России – Саха»; из финансовых – Сбербанк России, Внешторгбанк, Мосбизнесбанк, Промстройбанк; из формализованных объединений групп интересов – Российский союз промышленников и предпринимателей – РСПП (называемый зачастую «профсоюзом олигархов»), Федерация товаропроизводителей (ФТП), Торгово-промышленная палата РФ, Общероссийское объединение «Круглый стол бизнеса России» (КСБР), Конгресс российских деловых кругов и др. См.: [31].

нении с альтернативной нормой устанавливается факт более низкой эффективности «ловушечного» института. Концепция институциональных ловушек непосредственно связана также с теорией реформ, формирующейся сегодня на стыке экономики, социологии и политологии и стремящейся дать объяснения того, почему в процессе реформ (направленных на повышение эффективности экономической системы) появляются устойчивые неэффективные институты или нормы поведения.

Институциональная ловушка может быть и, как правило, является экономически эффективной в краткосрочной перспективе и привлекательной для ограниченного круга индивидов или групп. Когда же ставится вопрос о социальном эффекте, т. е. деятельности, позитивные плоды которой сможет пожать всё общество, данная устойчивая норма демонстрирует, как минимум, свою малую пригодность, а, как правило, – свою порочность и даже опасность.

В контексте рассматриваемой нами проблематики «ловушка» заключается, на наш взгляд, в том, что, по сути, ни государство, ни бизнес не заинтересованы сегодня в развитии нормально функционирующего гражданского общества в России. Государство, а точнее – правящая элита, или «конгломерат групп интересов», – потому что видит угрозу своей фактически неограниченной власти в независимых структурах гражданского общества. Крупный бизнес – потому что видит в них угрозу своей фактической неподконтрольности обществу. Парадокс тем самым заключается в том, что группы интересов, принадлежащие к экономическому полю, являясь в идеале структурными элементами гражданского общества, по сути, выступают противниками развития такового. Заинтересованным группам всегда проще договориться, условно говоря, «напрямую» – например, корпорациям с государством, исключая, тем самым, необходимость социальной подотчетности, включая её трудовые, попечительские и экологические компоненты [24]. Общество действительно «оказалось третьим лишним на этом пиру олигархов и бюрократии».

Таким образом, в российском обществе сформировалась сегодня, на наш взгляд, институциональная ловушка

«бипартизма», выгодная в краткосрочном режиме «здесь и сейчас» двум сторонам, но деструктивная по своим последствиям в долгосрочной перспективе для всего общества. Характерно, что данные участники – власть и бизнес – продолжают активно использовать в своей риторике как само понятие «гражданского общества», так и постоянные апелляции к необходимости его совершенствования, развития и укрепления. Очевидно, что здесь срабатывает эффект так называемого *правильного вокабуляра* (П. Бурдые), который необходимо применять для посылки «сигналов», прежде всего вовне – т. е. в сторону адресатов – представителей западного демократического сообщества, достаточно пристально наблюдающего за процессами институционализации демократических структур в сегодняшней России.

Политические партии в сегодняшнем российском обществе также демонстрируют, на наш взгляд, в основном пафосную составляющую собственного восприятия и восприятия окружающего мира. За исключением «партии власти» – «Единой России», которая является, по сути, удачной формализацией государственного «конгломерата групп интересов», или, как предпочитают выражаться публицисты – «проектом Кремля», остальные игроки на партийно-политическом пространстве России удовлетворились ролью «системной оппозиции», включающей в себя весь спектр политической (признанной в качестве легитимной) активности. По мнению А. Шубина, с которым мы вполне солидарны, «реальные идейные разногласия между этими партиями не столь значительны, как утверждают их пиар-службы, и укладываются в тот же спектр, что и разногласия правящих групп (от социал-консерватизма КПРФ до нелиберализма СПС). Влиятельная правая оппозиция отражает финансовые интересы спонсоров, которые, как показывает опыт “цветных революций”, так же далеки от интересов населения, как и политика правящих групп и их партийных фасадов. КПРФ переродилась в социал-державную партию, идеология которой отличается от идейного набора “ЕР” прежде всего апологией коммунистического режима, включая его наиболее неприглядные стороны. Такая “системная

оппозиция”, ориентированная в прошлое, вполне устраивает режим» [36].

Действительно, политическая дифференциация в современном российском обществе осуществляется преимущественно по корпоративному, а не идеологическому признаку. Партии представляют сегодня, по сути, только самих себя, вступая при этом в торги и сделки с системой бипартизма – у государства выторговывая ту или иную степень участия в «осуществлении власти», у бизнеса – ресурсы. Таким образом, политические партии России демонстрируют сегодня ту же «рентоориентированную» активность, что и субъекты собственно экономического поля, находясь в процессе перманентной конвертации власти в собственность и собственности во власть. Можно сказать, что сфера политического представительства в современном российском обществе демонстрирует значительную степень собственной коммодификации или коммерциализации, превратившись, по сути, в своеобразный рынок, на котором сходятся потенциальные агенты политического действия – партии, и их потенциальные «клиенты» – организованные группы интересов из экономической сферы. Последние артикулируют свои специфичные устремления, в то время как первые стараются убедить их в своей наибольшей адекватности для реализации таковых. Вместе с тем окончательную легитимацию того или иного альянса санкционирует все-таки государство, оно же, по сути, определяет и конкретный состав участников данного рынка со стороны как политических партий, так и *бизнес-групп*. Состав и характер первых регулируется известным комплексом требований к численности, идеологической ориентации и лояльности власти; состав и характер вторых определяется почти исключительно только лояльностью.

Профессиональные союзы в сегодняшней России едва ли демонстрируют более конструктивное, или, по крайней мере, более креативное начало в своей активности, нежели политические партии, причем роль своеобразного «статиста» является для отечественных профсоюзов практически традиционной. В советский период профсоюзы выступали, как известно, «школой коммунизма», т. е. одним из меха-

низмов перманентной коммунистической социализации населения. Функции их были фактически сведены к реализации социальной политики конкретных предприятий и организаций – распределению жилья, путевок в санатории и летние лагеря и регулированию очередей на другие дефицитарные блага советского периода. Период перестройки был ознаменован всплеском политической активности профессиональных союзов (особенно – шахтеров), на волне которого в высшие эшелоны власти сумели пробиться многие политические деятели. Однако последующая эволюция режима и «укрепление вертикали власти» постепенно свели роль и значение профсоюзов в сегодняшнем российском обществе к минимуму вообще и в процессе развития гражданского общества – в особенности.

Действительно, трехсторонние соглашения, подразумеваемые концепцией социального партнерства, закрепленной в Трудовом кодексе РФ², по-прежнему не являются общепризнанной и общеобязательной практикой – работодатели, по возможности, игнорируют данную норму вообще, государство не проявляет должного усердия в контроле её исполнения, а профсоюзы не проявляют достаточной активности в её отстаивании. Тем самым профсоюзы как группы интересов также предпочитают договариваться «напрямую» – с конгломератом других групп интересов, представляющим собой государственную власть.

Достаточно скептически оценивается роль профсоюзов как структурного элемента гражданского общества в сегодняшней России и зарубежными исследователями, по достаточно непротиворечивому убеждению которых если и может вестись речь о профсоюзах в качестве одного из институциональных факторов трансформации общества, то их роль сводится к наделению наемного работника правами,

² «Социальное партнерство – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений» (ст. 7 Трудового кодекса РФ).

созданию из него гражданина. Основная же масса политических аналитиков не склонна видеть сегодня в российских профсоюзах значимого фактора демократизации.

Очевидно, что группы интересов как *комплексный структурный компонент гражданского общества* отражают в сегодняшней России специфику самого данного феномена – его противоречивость, неоднозначность, слабую развитость и, соответственно, слабую институционализацию. С чем связано такое положение дел? Кроме очевидно-го отсутствия в российском обществе и в политической культуре в целом соответствующих демократических традиций (что является уже практически «общим местом» во множестве работ), мы хотели бы сделать акцент на таком факторе, как *социальный подкуп*. Последний является, на наш взгляд, одним из определяющих во взаимоотношениях государства и общества в сегодняшнем мире вообще и выступает естественным преемником состояния «общественного договора», предполагавшего, что «государство, образованное волеизъявлением свободных и независимых индивидов, обязывается обеспечить соблюдение их неотъемлемых прав, защиту их жизни, свободы и частной собственности, негарантированных в естественном состоянии» [11]. Замещение общественного договора общественным подкупом обусловлено, по нашему убеждению, как увеличившейся политической апатией широких слоёв населения, так и расширившимися возможностями воздействия на массовое сознание со стороны правящих групп, в ходе которого культивируются «нужное» гражданское самосознание (в меньшей степени) и «нужные» потребительские ориентации и устремления (в большей степени), являющиеся неотъемлемым элементом как идеологии, так и практики консьюмеристского общества.

Если, однако, в «государстве благоденствия» западного типа основным средством социального подкупа являются множественные потребительские блага, доступные, в принципе, большей части населения, что может выступить таким средством в сегодняшней России, где воспользоваться набором рекламируемых товаров, услуг – т. е. предметов потребления, может, по данным социологов, не более 50 %

от общего числа работоспособного населения?. Таким средством выступает, по нашему мнению, *стабилизация* – активно пропагандируемое официальными СМИ, частотное в дискурсе представителей власти состояние общества, характеризующееся относительной упорядоченностью и такой же предсказуемостью положения дел в экономической и политической сферах жизни общества. Вне зависимости от того – насколько пропагандируемое состояние стабилизации соответствует социальным реалиям сегодняшней России, достаточно очевидным представляется тот факт, что оно встречено общественным сознанием и массовой психологией населения нашей страны в значительной степени благосклонно. Последнему обстоятельству, думается, немало способствовал факт перманентного реформирования отечественного социума на протяжении более чем двух последних десятилетий. Человек просто не может жить в эпоху нескончаемых перемен. Естественным образом и индивид, и группа, и общество в целом стремятся к некоей определенности и долгожданной предсказуемости, что фиксируется и в эмпирических исследованиях так называемого стабилизационного сознания.

Таким образом, средством социального подкупа в современном российском обществе выступает фактор стабилизации общественных отношений, с готовностью воспринятый общественным сознанием, уставшим от нескончаемой и обширной трансформации социальной среды. В этом смысле можно сделать вывод о том, что гражданская активность, гражданское образование и собственно гражданское общество во всём комплексе его составляющих оказались неизмеримо меньшей ценностью по сравнению с состоянием стабильности общества и были, по сути, принесены в жертву последней.

На пути человечества к достижению свободы от принуждения, зависимости, самореализации поставленных социальных целей, социальных и природных благ, возникают препятствия, которые оно может преодолеть в обществе с наличием социального порядка и при поддержке легитимной государственной власти. Таким порядком обладает гражданское общество.

Формы автономной гражданской активности, которые наблюдаются в современной России, слишком часто отражают неспособность разных групп общества к компромиссному улаживанию интересов и нежелание руководствоваться целями общественного согласия. В силу многообразия и подвижности человеческих интересов, и, соответственно, способности людей объединяться по самым разным поводам, гражданское общество не представляет собой какой-либо четко очерченной, законченной конструкции.

В каждой сфере общественной жизни личность вырабатывает и реализует ту или иную стратегию гражданского участия. Наряду с этим степень гражданской активности в данном социуме определяет и степень развитости здесь собственно гражданского общества и его основных институтов.

Группы интересов как комплексный структурный компонент гражданского общества обнаруживают значительную специфику в сегодняшнем российском социуме. Прежде всего, все их разновидности – *региональные группы, финансовые, отраслевые, специализированные по сферам деятельности, политические партии и профессиональные союзы* – находятся в, как минимум, двух институциональных ловушках: ренториентированной активности и бипартизма. Каждая из групп отказывается от долгосрочного стратегирования как собственного существования, так и среды, в которой она функционирует – российского общества в целом, в чем реализуется ситуация ориентации на выгоду здесь и сейчас, то есть, ловушка ренториентированной деятельности. Каждая из групп предпочитает вступать в прямые отношения с государством, игнорируя, по сути, саму возможность и необходимость коллективного договора, некоего корпоративного соглашения всех участников, в котором государство выступило бы лишь первым среди равных, – так реализуется институциональная ловушка бипартизма. Тем самым развитие гражданского общества в сегодняшней России встречает противодействие практически всех основных участников общественных отношений – представление о низкой эффективности его механизмов и принципов демонстрируется на всех уровнях социального целого, хотя собственно публичная риторика на тех же са-

мых уровнях насыщена концептами, связанными с гражданским обществом в высокой степени.

Итак, одним из основных факторов, послуживших причиной все еще недостаточной институционализации структур гражданского общества в отечественном социуме, выступает такое средство социального подкупа, как общественная стабильность, являющаяся очевидной ценностью для подавляющего большинства граждан России, в пользу которой делается сегодня безапелляционный выбор, пусть и в ущерб собственно гражданской активности и институтам гражданского общества, которые остаются пока практически в рудиментарном состоянии и мало востребованы на сегодняшний момент как массовым сознанием, так и политической культурой наших соотечественников.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Особенности развития гражданской активности в России.
2. Общественные движения как формы гражданской активности.
3. Роль общественных инициатив в становлении гражданского общества.
4. Тенденции развития институтов гражданского общества.
5. Роль групп интересов в формировании гражданского общества современной России.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. История развития гражданской активности в России.
2. Особенности общественных движений в России.
3. История общественных движений с 1990 г. по настоящее время. Типы и характеристика.
4. Типология групп интересов в общественном развитии России.
5. Общественные инициативы в социальном развитии России.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Захарова О. В. Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // Полис. Полит. исслед. – 2013. – № 4. – С. 100–110.

Захарова О. В. Конъюнктивный дискурс либерально-демократической партии России (2000–2014) // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и со-

циокультурные ресурсы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – 2015. – С. 161–167.

Кармадонов О. А. Власть и консенсус: дискурсивно-символический анализ конъюнктивной роли российской элиты / О. А. Кармадонов, Н. В. Егорова, О. В. Захарова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 260 с.

Колесников В. А. От советского к российскому: социокультурные изменения общества / В. А. Колесников, О. А. Полюшкевич // Дискуссия. – 2013. – № 2 (32). – С. 60–63.

Лановая Г. М. Механизм формирования правового государства гражданским обществом // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2012. – № 3. – С. 14–17.

Львова О. А. Медиация – шаг вперед к гражданскому обществу // Рос. юстиция. – 2010. – № 1. – С. 11–12.

Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экон. и гуманитар. исслед. регионов. – 2014. – № 6. – С. 92–96.

Окатов В. Н. На пути к гражданскому обществу // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2007. – № 12-2 (56). – С. 483–485.

Плюгина И. В. Коррупция как вызов современному гражданскому обществу // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 10 (16). – С. 167–174.

Полюшкевич О. А. Введение в корпоративную социальную ответственность : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 131 с.

Полюшкевич О. А. Введение в психологию управления : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 160 с.

Полюшкевич О. А. Введение в социологию управления : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 180 с.

Полюшкевич О. А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории : сб. науч. тр. – Иркутск, 2014. – С. 103–110.

Радинский Л. П. Проблемы и тенденции развития гражданского общества в России (общее исследование гражданского общества) // Бюл. науч. работ Белгор. гос. с.-х. акад. им. В. Я. Горина. – 2011. – № 28. – С. 195–199.

Салмин А. М. Между верховной властью и гражданским обществом: современная демократия в вертикальном измерении // Вестн. Ин-та социологии. – 2013. – № 51 (6). – С. 3–11.

Скоробогатов В. В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуал. вопр. современ. науки. – 2010. – № 15. – С. 44–50.

Трэгорд Л. От народных движений к гражданскому обществу // Родина. – 2010. – № 10. – С. 52–55.

Усватов И. С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Проблемы в рос. законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 82–84.

Федотова В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу? // Философ. журн. – 2013. – № 1 (10). – С. 34–48.

Шамхалов М. А. Местное самоуправление между государственной властью и гражданским обществом // Социология власти. – 2011. – № 3. – С. 163–171.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданское общество определяет развитие уклада жизни. Исследование концепций гражданского общества в историко-философской литературе свидетельствует о том, что естественное стремление людей к общежитию, справедливому устройству их общественной жизни и распределению жизненных благ выражалось в форме поиска адекватных природе человека социальных форм.

Можно отметить, что эволюция представлений о гражданском обществе должна рассматриваться не только как смена парадигм, но и как взаимодополнение. Новейшие концепции рассматривают гражданское общество как социальный феномен, институциональную структуру которого составляют группы, ассоциации и движения «неполитического» характера. Данную модель можно назвать «субъектной», поскольку в ней анализируются общественные движения, различные формы гражданской активности в качестве социальных субъектов гражданского общества. Субъектный подход позволяет понять природу общественных движений как генератора социальных преобразований.

Наряду с традиционными темами, связанными с гражданским обществом, рассмотрение данного феномена в современной социальной философии вобрало в себя амальгаму проблем, связанных с его переосмыслением в условиях современного социума.

На пути человечества к достижению свободы от принуждения, зависимости, самореализации поставленных социальных целей, социальных и природных благ, возникают препятствия, которые оно может преодолеть в обществе с наличием социального порядка и при поддержке легитимной государственной власти. Таким порядком обладает гражданское общество.

Общей характеристикой активности гражданского общества, проявляющейся в гражданских движениях и инициативах, выступает осознанный выбор возможностей участия в общественной жизни, и направленность на противостояние формальным бюрократическим организациям, прежде всего, государственным.

Деятельность гражданских движений и инициатив, направленная на формирование гражданского общества, может иметь успех только в том случае, если она адекватна по своим сущностным признакам типу общества. Исключительность русской истории определена неповторимым путем становления и развития русского государства, которому часто приходилось решать задачи, значительно отличавшиеся от тех, что стояли перед его западноевропейскими соседями. Все эти причины не дают основания считать, что западные идеи о гражданском обществе в полной мере применимы к условиям жизнедеятельности любого социума.

ГЛОССАРИЙ

Абсолютизм (от лат. *absolutus*) – форма государственного правления, при которой политическая власть находится в руках одного лица – монарха. Отличается чрезвычайно высокой степенью централизации государственной власти, фактическим отсутствием *разделения властей*.

Государство – совокупность институтов (политический аппарат, законодательные органы, исполнительная власть на центральном и местном уровне, суд, полиция, вооруженные силы), основной функцией которых является основанное на праве управление жизнью общества на определенной территории. Важнейшей характеристикой государства является то, что оно действует как институциональная система политического господства и обладает монополией на *легитимное* применение силы. В социологии сложились три подхода к оценке роли государства: 1) ряд ученых (М. Вебер и др.) рассматривают государство как независимую силу, которая руководствуется собственными правилами действия – *легально-рациональными правилами бюрократии* – и господствует над всеми социальными группами; 2) марксисты считают, что государство в капиталистических обществах отстаивает интересы капитала и господствующего класса; 3) плюралистический подход к оценке роли государства связан со стремлением избежать крайностей, рассматривая государство как силу, на которую в рамках демократического процесса может оказываться влияние со стороны различных политически представленных интересов.

Гражданское общество – многообразие не опосредованных государством взаимоотношений юридически свободных и равноправных в своем социально-политическом выборе граждан; непосредственно не контролируемая государством сфера жизнедеятельности индивидов.

Гражданское общество – это *социальная общность*, включающая в себя первичные негосударственные добровольные структуры в экономической, политической, духовной сферах жизни общества; это сфера многообразных

проявлений свободных индивидов, различных ассоциаций. Гражданское общество невозможно представить без национальных, религиозных традиций, обычаев, мифов, символов, стереотипов поведения, морально-этических норм, ценностей. В гражданском обществе главное действующее лицо – *личность*, имеющая потребности, интересы. Личность обладает правом на индивидуальную свободу. Гражданское общество – это своего рода социальное пространство, в котором люди взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от друга, так и от государства.

Демократия – общественно-политическая система, предоставляющая гражданам право участвовать в принятии политических решений и выбирать своих представителей в органы центральной и местной власти.

Конфедерация – форма межгосударственного союза, основой которого являются общие политические интересы, связанные с координацией и реализацией совместных действий данных государств. В конфедерации каждое государство сохраняет свою независимость, суверенитет, имеет собственные органы власти, обладает правом выхода из нее. В конфедерации нет единой конституции, единого гражданства.

Культурно-исторические ценности – наиболее отличительные материальные объекты и нематериальные проявления человеческого творчества, которые имеют выдающиеся духовные, эстетические и документальные достоинства и взяты под охрану государства в порядке, определенном данным законом.

Культурно-историческое наследие – совокупность отличительных итогов, свидетельств исторического и духовного развития народа, воплощенных в культурно-исторических ценностях.

Миролюбие – отсутствие чувства национального превосходства, мирное сосуществование с другими народами.

Монархия – форма государственного правления, при которой верховная власть сосредоточена в руках одного лица – монарха и передается по наследству. Различают абсолютную монархию, т. е. не ограниченную конституцией или какими-то иными законами, и конституционную монар-

хию, при которой власть монарха не распространяется на законодательную и исполнительную ветви государственной власти.

Национальная солидарность – единодушие, сплоченность и общность интересов национальностей, проживающих совместно на территории Республики Беларусь.

Политический режим – обозначение способов осуществления власти в данном государстве. Различают тоталитарный политический режим – полное огосударствление всей жизни общества, абсолютная политическая, идеологическая (а подчас и экономическая) монополия государства с опорой на разветвленную структуру силовых, надзорных и идеологических органов; авторитарный политический режим, характеризующийся концентрацией власти в руках одного человека или властного органа и при котором в той или иной степени ограничиваются не личные, не экономические, а прежде всего политические права; этот режим опирается в основном на армию, традиционную религию, а не на политические партии и идеологии; демократический политический режим характеризуется признанием народа источником власти, равноправием граждан, подчинением меньшинства большинству при принятии решений с учетом интересов меньшинства, выборностью государственных органов, соблюдением прав и свобод.

Право – система общественных регулятивов, суть которых состоит в социальной регуляции деятельности и отношений между людьми с помощью законодательно закрепленных норм, выполнение которых обеспечено принуждением со стороны государства, в чем и заключается основное отличие права от *нравственности*, морали. «Право – это воля господствующего класса, возведенная в закон» (К. Маркс).

Правовое государство – государство, отличительными признаками которого являются: верховенство закона в жизни общества; реальность прав и свобод личности; взаимная ответственность государства и личности; разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную; наличие эффективного контроля за осуществлением зако-

нов. Правовое государство – это форма государственного суверенитета народа, т. е. реализация его естественного права на свободное объединение в политический союз.

Равенство – принято выделять четыре типа равенства: 1) равенство людей – обычно связано с религией, где все равны перед Богом-Отцом человечества; 2) равенство *возможностей* при достижении целей, когда все позиции в обществе должны достигаться в результате конкурентного отбора на основе образовательных достижений и личного таланта; 3) равенство *условий* – когда условия жизни выравниваются с помощью законодательства или так называемой позитивной *дискриминации*, способствующей восходящей *социальной мобильности* в пользу групп, составляющих меньшинство; каждый из названных типов равенства подвергался критике либо как неосуществимый, либо как нежелательный. Иногда говорят о невозможности достижения принципиального равенства потому, что это требует *социализации* детей вне семьи с целью минимизации наследования культурных преимуществ, запрета конкуренции, стремления к доминированию, личной свободы и т. д. Критики же этой позиции считают, что ее сторонники используют идею “свободы выбора” не для действительной защиты свободы, а для сохранения тех привилегий, которыми они пользуются благодаря существующему социальному неравенству; 4) *фактическое равенство*.

Разделение властей – важнейший принцип функционирования политической власти в правовом государстве, исключающий возможность соединения законодательной, исполнительной и судебной власти в руках одного человека или господствующей группы (органа власти).

Республика – форма государственного устройства, при котором источником власти является народ; высшие органы власти либо избираются гражданами, либо формируются общенациональными представительными учреждениями (например, парламентами).

Свобода – 1) естественное, неотчуждаемое от человека, социальных общностей людей качество, позволяющее им выражать свои мысли и действия в соответствии с пра-

вовыми нормами, интересами, направленное на стабилизацию, порядок в политико-властных отношениях государства и общества; 2) способность человека, группы, общности действовать в соответствии со своими интересами и целями, осознавая социально-необходимые объективные ограничения этих действий. (*«Свободы тем больше, чем больше клетка» – популярная в среде интеллигентов политическая шутка эпохи «застоя».*)

Справедливость – создание для всех членов общества равных возможностей для реализации своих способностей и удовлетворения жизненных потребностей.

Стабильность – устойчивость, постоянность, неизменность.

Унитарное государство – форма государственно-территориального устройства, при котором власть осуществляется при верховенстве единой конституции, централизованных органов государственного управления, высших судебных органов. Входящие в такое государство территориально-административные образования практически не имеют политической самостоятельности. Существует единое гражданство.

Федеративное государство – государственно-территориальное устройство, в котором власть при обоюдном согласии осуществляется одновременно общенациональным правительством и автономными органами политического правления. Субъекты федерации не имеют права выхода из ее состава.

Экспансия – силовое, экономическое и/или культурно-информационное (в том числе пропагандистское) расширение сфер влияния господствующих групп, государств, союзов, корпораций, религиозных объединений.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Грудцына Л. Ю., Лагуткин А. В. Социальная информация как инструмент управления гражданским обществом: постановка научной проблемы // Образование и право. 2016. № 1. С. 23–37.
2. Лаврентьев С. Н. Между властью и гражданским обществом // Аккредитация в образовании. 2012. № 1 (53). С. 54–55.
3. Гроздилов С. В., Иванов В. А. Справедливость как объект познания политических наук // Вестн. АПК Верхневолжья. 2012. № 1(17). С. 75–80.
4. Дроздов В. В. Социальная справедливость как основа социального государства // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 11 ч. Тамбов, 2014. С. 58–60.
5. Грудцына Л. Ю., Лагуткин А. В. Управление гражданским обществом при помощи информации: место и роль частных интересов в системе гражданского общества // Юстиция. 2013. № 2. С. 1–11.
6. Усватов И. С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 82–84.
7. Хмелевская С. А. Модели социальной справедливости в системе социального обеспечения // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014. С. 138–141.
8. Малицкий В. С. Идеология в современной России / В. С. Малицкий // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 2. С. 256–260.
9. Видяпин В. От сильного государства к сильному гражданскому обществу // Самоуправление. 2010. № 2. С. 39–40.
10. Жовноватая В. А. Социальная справедливость как фактор оптимизации социальной структуры общества // Науч. исслед.: от теории к практике. 2015. № 3 (4). С. 167–169.
11. Лыгина М. А. Социальная справедливость как атрибут социальной безопасности // Геополитика и безопасность. 2010. № 2 (10). С. 106–110.
12. Лаврентьев Д. С. Социальная справедливость как условие социально-политической стабильности в регионе // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4. С. 34–37.
13. Канунников А. А. Европейское гражданское общество или гражданское общество стран Европы? // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2016. № 3. С. 61–70.
14. Исаков В. Кто и как развалил мою страну. М. : Сов. Россия, 1996. 248 с.

15. Жукова В. Ф. Концептуализация идеи справедливости как правовой справедливости в социальной философии // Сб. науч. тр. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. С. 229–234.

16. Данилова Е. Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социол. наука и соц. практика. 2015. № 2 (10). С. 18–50.

17. На пути к гражданскому обществу (по материалам круглого стола) / А. П. Галкин, Е. А. Матвиенко, Н. А. Скобелина, А. Н. Леонтьев, Л. Н. Шереметьева // Primo Aspectu. 2008. Т. 5. № 7 (45). С. 116–122.

18. Бондаренко Г. И., Берсиров Т. Б. Управление гражданским обществом в процессе формирования правосознания // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. 2012. № 3. С. 147–152.

19. Бидова Б. Б. Понятие и соотношение юридической и социальной справедливости в социальном государстве // Евраз. науч. журн. 2016. № 8. С. 108–110.

20. Аргунова В. Н. Социальная справедливость как основа политического и социального порядка // Желаемый облик будущей России : материалы Всерос. науч. конф. / Центр науч. полит. мысли и идеологии. М., 2015. С. 53–57.

21. Астанин В. В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // Адм. и муницип. право. 2011. № 4. С. 5–8.

22. Вольтер О. В. Феномен идеологии в современной России // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 134–139.

23. Москвин Л. Б. Власть и общество: проблема доверия // Власть. 2011. № 9. С. 7–10.

24. Ягодка Н. Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2015. № 4. С. 128–140.

25. Салмин А. М. Между верховной властью и гражданским обществом: современная демократия в вертикальном измерении // Вестн. Ин-та социологии. 2013. № s1 (6). С. 3.

26. Рядинский Л. П. Проблемы и тенденции развития гражданского общества в России (общее исследование гражданского общества) // Бюл. науч. работ Белгор. гос. с.-х. акад. им. В. Я. Горина. 2011. № 28. С. 195–199.

27. Шамхалов М. А. Местное самоуправление между государственной властью и гражданским обществом // Социология власти. 2011. № 3. С. 163–171.

28. Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестн. РУДН. Сер. Социология. 2003. № 4–5. С. 79–85.

29. Федотова В. Г. Какая политическая культура нужна гражданскому обществу? // Филос. журн. 2013. № 1 (10). С. 34–48.

30. Трэгорд Л. От народных движений к гражданскому обществу // Родина. 2010. № 10. С. 52–55.
31. Смольников С. Н. Социальная справедливость социального государства // Современное общество: вопр. теории, методологии, методы соц. исслед. 2013. № 1. С. 201–205.
32. Скоробогатов В. В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуал. вопр. соврем. науки. 2010. № 15. С. 44–50.
33. Лагуткин А. В., Грудцына Л. Ю., Пономарев А. М. Диалог между гражданским обществом и государством в России: перспективы и возможности // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки. 2013. № 3. С. 85–94.
34. Кармадонов О. А., Егорова Н. В., Захарова О. В. Власть и консенсус: дискурсивно-символический анализ конъюнктивной роли российской элиты. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 260 с.
35. Глушко И. В. Диалектика доверия и согласия в социальном дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 44–52.
36. Мошняга В. П. Мировое социальное развитие и социальная справедливость в условиях глобализации // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. 2008. № 6. С. 3–15.
37. Захарова О. В. Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // Полис. Полит. исслед. 2013. № 4. С. 100–110.
38. Осин Р. С. Новые формы борьбы за социальную справедливость в контексте общегражданских протестов зимы 2011–2012 гг. // Экономика и право. XXI век. 2012. № 2. С. 195–201.
39. Новгородцев П. И. Проблемы идеализма : сб. ст. М. : МГУ, 2002. 279 с.
40. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. М. : Норма, 1998. 35 с.
41. Касаткина С. С. Система социального партнерства в российском городе как инструмент социальной справедливости // Проблемы социальной справедливости и современность : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. О. В. Козлова, А. В. Седов, О. Ю. Солодянкина. Череповец : ЧГУ, 2014. С. 53–59.
42. Бызов Л. Русское самосознание и социальные трансформации // Полит. класс. 2007. № 1(25).
43. Воробьев К. Дискриминация и ее влияние на социальную справедливость // Образование и право. 2011. № 4. С. 66–69.
44. Сирота Н. М. Мировые политические идеологии. СПб. : С.-Петерб. гос. полит. ун-т, 2008. 176 с.

45. Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экон. и гуманит. исслед. регионов. 2014. № 6. С. 92–96.
46. Плюгина И. В. Коррупция как вызов современному гражданскому обществу // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 10 (16). С. 167–174.
47. Полюшкевич О. А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 66–71.
48. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 190 с.
49. Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. 1995. 511 с.
50. Шек Х. Зависть. Теория социального поведения. М.: Норма, 2010. 134 с.
51. Серегин В. Социальная свобода и социальная справедливость // Самоуправление. 2011. № 2. С. 22–23.
52. Шапиро Й. Бегство гуманитарных наук от реальности. М.: ИД ВШЭ, 2011. 172 с.
53. Чернов А. В. Патернализм и принцип социальной справедливости как атрибуты социального государства // Управление. 2014. № 4 (50). С. 38–41.
54. Севелов А. Н. Социальное государство в контексте социальной справедливости // Проблемы социальной справедливости и современность: материалы III всерос. науч.-практ. конф. Череповец, 2013. С. 108–116.
55. Окатов В. Н. На пути к гражданскому обществу // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2007. № 12-2 (56). С. 483–485.
56. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 258 с.
57. Нгуен Д. Т. Законы социальной стратификации в контексте социальной справедливости // Науч. обозрение. Сер. 2, Гуманит. науки. 2015. № 5. С. 54–59.
58. Львова О. А. Медиация – шаг вперед к гражданскому обществу // Рос. юстиция. 2010. № 1. С. 11–12.
59. Сафронов П. А. Сообщества, справедливость, активизм: экологическая перспектива в социальном познании // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 81–86.
60. Лановая Г. М. Механизм формирования правового государства гражданским обществом // Гражд. о-во в России и за рубежом. 2012. № 3. С. 14–17.

Учебное издание

Батянова Людмила Николаевна
Иванов Роман Викторович

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

ISBN 978-5-9624-1461-4

Подготовила к печати *А. Н. Шестакова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2017 г. Поз. 34
Подписано в печать 26.04.2017. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 6,6. Усл.-печ. л. 8,6. Тираж 100 экз. Заказ 19

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ

664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36
тел.: (3952) 24-14-36, e-mail: izdat@lawinstitut.ru

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук – учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по четырем направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Социальная консолидация и социальное воспроизводство». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, социология образования, политическая социология, гражданское общество и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц для проведения совместных научных исследований, хозяйственных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, к. 211

Телефон/факс: (3952) 243 748, (3952) 200 205

E-mail: vresh@socio.isu.ru